

СВАНКА ВРЕМЕНИ

16+

МАКСИМУИИУАИ ЖИРНОВ

Максимилиан Борисович Жирнов

Свалка времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55699893

SelfPub; 2024

Аннотация

Максим Игоревич Безымянный покупает квартиру в небольшом городе на юге России. Но рядом с его домом, на территории заброшенного мясокомбината, находится аномальная Зона – свертка пространства и времени, втянувшая в себя десятки километров дорог, разрушенные поселки, закрытые и уничтоженные заводы и фабрики. Движимый любопытством, Максим начинает исследовать Зону и, благодаря проявившимся экстрасенсорным способностям, не погибает. Но человек, способный выйти из аномалий живым, становится интересом спецслужб и террористов...

Содержание

Поход первый. Любопытство	5
Глава 1. Своя квартира	6
Глава 2. Допрос с пристрастием	20
Глава 3. Первое знакомство	29
Глава 4. Бледная бабочка	35
Глава 5. Аномалия «Радиоцентр»	42
Глава 6. Узкоколейка	55
Глава 7. Тоннель	61
Интерлюдия 1. Несчастный Ваня – легенда Зоны	73
Глава 8. Девочка-призрак	73
Глава 9. Капитан Шнырев	82
Глава 10. Призрак на кладбище	91
Поход второй. Разочарование	105
Глава 11. Новый заказчик	105
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Максимилиан Жирнов

Свалка времени

Посвящается светлой памяти Дарье Антоновой.

Хотелось бы выразить благодарность моей жене Виктории за безграничное терпение и Татьяне Бисс, без советов и подсказок которой эта книга вряд ли увидела бы свет.

Поход первый. Любопытство

В действительности всё совершенно иначе, чем на самом деле. Антуан де Сент-Экзюпери

Глава 1. Своя квартира

Максим поднялся по ступеням и резко рванул старую деревянную дверь. Створка грохнула о косяк. По скошенному козырьку над лестницей проскрежетала ледышка. Она шлепнулась на мокрый асфальт и раскололась надвое.

– Ты меня убьешь! – выкрикнула Алина. – Поосторожнее там!

– Я волнуюсь, – Максим ответил как можно спокойнее, стараясь лишний раз не злить жену. – Всегда немного переживаешь, когда покупаешь квартиру.

Алина отодвинула его в сторону и вошла первой. Максим шагнул следом и остановился посередине офиса, растирая замерзшие ладони. На безымянном пальце блеснуло обручальное кольцо.

– Это агентство недвижимости «Парус»? – Алина потрянула головой, расстегнула воротник и села в кресло. Ее спина осталась прямой.

За конторским столом, перед экраном компьютера, сидела маленькая черноволосая девушка с по-восточному раскосыми карими глазами. В них Максим отчетливо прочитал: «Можно подумать, на вывеске не написано».

На стенах висели репродукции известных картин: «Утро в сосновом лесу» Шишкина, пейзажи Архипа Куинджи. И – ни к селу ни к городу «Апофеоз войны» Верещагина. Груда

черепов – странный способ привлечь посетителей.

– Что же вы? Присаживайтесь, пожалуйста. Давайте познакомимся. Я – Олеся Вадимовна Андреева, ваш риэлтор, – затараторила девушка.

Про себя Максим решил, что будет называть ее просто – Олеся.

Алина презрительно посмотрела на нее и словно выплюнула в лицо:

– Для вас – Алина Георгиевна!

Максим пристроился на краешке стула, снял вязаную шапку и расчесал пятерней темные с проседью волосы:

– Максим Игоревич... Безымянный. Можно просто Максим, – сказал он едва слышно. – Нам нужна двухкомнатная квартира. Обязательно двухкомнатная, понимаете? В других агентствах нас цены... как бы это сказать... не устраивают. Вот, посоветовали вас.

Максим бросил на жену беспомощный взгляд, но так и не дождался ее поддержки. Она сидела безмолвно, изображая из себя размалеванную восковую фигуру в голубой норковой шубке.

– Какой суммой вы располагаете? – Олеся перешла на официальный тон.

Максим ответил и повернулся к окну. Разочарование девушки он уловил практически затылком. Не будет у нее сегодня хорошего «интереса» – комиссионных агентству.

Олеся потыкала пальцем с обкусанным ногтем в клавиша-

туру компьютера и тяжело вздохнула:

– Маловато для двушки. Но что-нибудь можно подобрать. Вы готовы поехать со мной? Есть три варианта.

Неожиданно даже для себя Максим повернулся и глянул Олеся прямо в глаза. Она покачнулась на стуле, но вовремя схватилась за стол. Что эта девушка с чистым лицом и невинной душой здесь делает? Ей совершенно не подходит работа риэлтором. Ей тяжело, невероятно тяжело врать человеку в глаза. А без этого в работе с людьми никуда.

– Вам нужно продать сегодня хотя бы одну квартиру? – почти шепотом спросил он. – Это не поможет. Вас все равно уволят. Слишком вы...

– Максим! Хватит уже! – Алина только не заскрежетала зубами. – Как же ты мне надоел! От тебя один позор!

Негодование жены хлестнуло, словно удар плети. Максим сжался и сложил руки на груди, разглядывая линолеум на полу.

– Может, мы все-таки посмотрим жилье? – Олеся встала.

– Разумеется, – ответила Алина. – Прямо сейчас.

Олеся надела полупальто и вышла из офиса в пасмурный зимний день. С неба медленно падали крупные хлопья снега.

– Сюда, пожалуйста, – Олеся открыла двери синей мало-литражки.

Алина, прямая, как корабельная мачта, села впереди. Максим снял спортивный рюкзак и пристроился на заднем сидении.

– Не пристегивайтесь. У нас не принято! – Олеся улыбнулась и нажала на кнопку стартера. Мотор мягко заурчал. Автомобиль, ломая колесами лед мелких лужиц, покотился мимо старинных домов.

Две смежных комнаты в общежитии Алина с негодованием отвергла:

– Это настоящие трущобы! Общей кухни мне только не хватало! Можно запросто подцепить заразу!

Она демонстративно хлопнула дверью.

Половина частного дома в поселке за рекой не понравилась Максиму:

– Мы с Алей не водим машину. После семи отсюда не уехать.

– Откуда вы знаете? – Олеся взяла Максима за руку и тут же отпустила. Ее пальцы почти обжигали кожу. К счастью, Алина этого не заметила: она беседовала с хозяйкой дома.

– На расписании написано. Я успел прочитать, когда мы поворачивали.

Врать вот так, в глаза, было крайне неприятно. Даже человек с орлиным зрением вряд ли разобрал бы мелкие буквы, да еще за ту долю секунды, на которую открылась желтая табличка». Здесь нужен бинокль, а еще лучше подзорная труба... «Нет у меня никаких способностей – твердил Максим сам себе – нет и никогда не было! Все это – чушь, галиматья!»

Вслух же он сказал:

– Это жилье нам не подходит, простите. К тому же частный дом – вечный ремонт и стройка. Вы говорили, вариантов три?

– Да, есть еще один. Но...

– Что-то не так?

– Нет, все в порядке.

Олеся неумело лгала. Максим ощупал ее взглядом, и девушка сжалась, как воробышек на ледяном ветру.

– Не надо мне говорить неправду. Я понимаю, это ваша работа. Но все же...

– Там рядом... мясокомбинат, – выпалила она.

Максим сунул руку под шапку и поскреб макушку:

– Не понимаю, если честно. Запахи от него, что ли, мерзкие?

– Мясокомбинат закрыт с начала девяностых. Одни развалины.

– Тогда никаких проблем не должно быть...

И вдруг Максим увидел его. То ли бомжа, то ли просто местного алкоголика и попрошайку. Пожилой мужчина в старом, залатанном пальто, поскальзываясь на замерзших лужах, брел прямо к нему. От запаха перегара и табака Максим сморщился и чихнул.

– Слышь, парень! – хрипло сказал незнакомец, обращаясь к Максиму. – На опохмел не хватает. Хошь крутую штуку продам? Вещь!

Алкоголик извлек из складок пальто длинный нож в крас-

но-коричневых ножнах. Сердце забилося, руки сами потянулись к вожделенному предмету.

– Армейский штык-нож! – воскликнул Максим, чуть не прыгая от нетерпения. – Сколько?

Пьяница назвал цену.

– Не многовато?

– Да глаза-то разуй! Он и как пилка работает, и проволоку перекусить можно. И это... я в спецназе служил, там абы что не выдавали. Да бери, не макет какой-нибудь, самый настоящий!

Максим взял штык-нож, обнажил матовый, не блестящий клинок и провел по нему рукой. Вложил оружие обратно в ножны и отсчитал деньги:

– По рукам!

– Вижу, настоящий мужик. К автомату патроны нужны, а нож – он всегда готов! Как пионер, ха-ха! – алкоголик скомкал купюры, сунул их в карман, развернулся и побрел обратно.

По нервам хлестнул гнев жены.

– Так! – прорычала Алина. – Снова на какую-то дрянь деньги потратил! Помяни мои слова, я когда-нибудь выброшу твой хлам на помойку!

Максим сжал штык-нож так, что побелели пальцы. Олеся примирительно сказала:

– Давайте поедем. Скоро стемнеет.

Алина пронзила ее взглядом боярыни, отчитывающей

нерадивую холопку.

– Не лезь, куда не просят!

И вдруг Максим почувствовал, что вскоре Олеся, такая маленькая, хрупкая и беззащитная, войдет в его жизнь, изменив ее навсегда. Это неизбежно, от этого не убежать. А вот что будет дальше – зависит от его действий. Именно до развилки, до точки выбора, дано ему заглянуть в будущее.

Удивляясь самому себе, Максим решительно сказал:

– Алина! У нас действительно нет времени. Все наши споры мы разрешим после. Давай к делу!

– Что? Ты защищаешь эту... эту... – Алина задохнулась от злости. – Ты что, на ней женат, да? Может, мне с тобой развестись?

Вместо ответа Максим распахнул перед ворчащей женой дверь, почти затолкал ее в машину и устроился рядом. Олеся села за руль, благодарно кивнула и повела малолитражку по узким, извилистым улочкам. Теперь понятно, зачем ей такой маленький автомобиль. Внедорожник здесь будет себя чувствовать, как слон в обезьяньей клетке.

За мостом через железную дорогу Олеся свернула на широкую улицу с натянутыми над ней троллейбусными проводами. Максим крутил головой, с интересом разглядывая фасады разноцветных одно- и двухэтажных домов с палисадниками и огородами. Странная планировка у этого города. Частный сектор близко к центру, зато многоэтажки построены на окраинах. Что ж, тем интереснее здесь жить. Навер-

ное... А может, и нет. Время покажет.

Олеся повела машину в объезд, мимо торговых рядов и супермаркета. Наконец она остановилась во дворе желтого двухэтажного дома.

– Это и есть мясокомбинат? – оживился Максим.

Позади сараев и гаражей, за трехметровым бетонным забором темнело высокое кирпичное здание. В давно выбитых окнах блестели осколки стекол. На чудом уцелевшей крыше проросло молодое деревце. Нежные зеленые листики показались неуместными среди грубого хаоса и разрухи.

– Да, – ответила Олеся и торопливо зашагала к подъезду. Максим бросился вслед, решив, что унылый вид из окна – не самый большой недостаток нового жилья.

На лестничной площадке, у открытого окна, курил тощий, как выживший узник концлагерей, мужчина. Его вытянутое, изборожденное морщинами лицо, казалось, хранило на себе печать всех мыслимых пороков.

– А... новые жильцы. Ну, привет, – глухо, как из-за толстой двери, сказал он и выпустил в окно струю серого, как туман, дыма. От резкого запаха дешевого табака запершило в горле.

– Здравствуйте, – отозвался Максим, закашлявшись.

– Это еще кто? – процедила Алина сквозь зубы.

– Сосед напротив. Он сильно выпивал. Потом наркотики... Но сейчас завязал, не хулиганит! Честно! – Олеся достала из сумочки ключи и вошла в квартиру. – Вот, гляньте

жилье. Вам нравится?

Максим бегло осмотрел две отдельных комнаты – большую и маленькую, санузел, просторную кухню и кладовку. К концу экскурсии он уже точно знал, что квартира будет его. Даже если сопротивляться изо всех сил, все равно через несколько дней или через месяц он ее купит. Так зачем откладывать то, что предопределено свыше?

– Мечта! – воскликнул Максим – Даже кондиционер на месте! Самая нужная вещь на юге.

– Не Бог весть что, но... хоть не трущобы. Сойдет на первое время, – поморщилась Алина и вдруг сверкнула глазами: – В чем подвох? Почему так дешево?

Олеся отступила и подняла руки, как бы заслоняя себя от настойчивой клиентки. Она явно не желала говорить правду. Максим ощутил ее страх и обреченность. «Уволят, так уволят», – уловил он ее мысль. И снова помог честному риэлтору.

– Наверное, подвох в этом, – он указал на развалины за окном. – Вид непрезентабельный. Но все это безобразие можно разглядеть только из маленькой комнаты. Так что не переживай.

– Я разве тебя спрашивала? – окрысилась Алина. – Не лезь не в свое дело! В конце концов это ты со своими принципами виноват! Мог бы взять денег у моего отца! Он тот еще жмот, но если бы ты хорошенько его попросил...

– Нет! – неожиданно твердо ответил Максим. – Я покупаю

это жилье сам. Без подачек. Оно – моя собственность!

– Как знаешь, – пожала плечами Алина. – Если что, я тебя предупредила! Без обид!

Несколько дней Максим вместе с Олесей бегал по кабинетам, оформляя сделку. Банк, регистрационная палата, БТИ, нотариус... Кто бы мог подумать, что покупка квартиры – такое сложное и хлопотное дело? Зато Алина чувствовала себя как рыба в воде. Она с ноги раскрывала любые двери, совала нос в самые мелкие детали и даже сумела выторговать скидку, похоже, чисто из спортивного интереса. Такой способности извлечь выгоду можно только позавидовать. Зато, когда пришло время передачи ключей, она скорчила кислую мину и махнула рукой.

– Это скучно. Сам справишься, не маленький, – заявила жена, сидя перед гостиничным зеркалом. – Я такой бар нашла – закачаешься! У меня встреча с новыми подругами. Как тебе стрелки на глазах? Посмотри, вот эта не длиннее?

– Супер! Все ровно! – от души сказал Максим и вышел из номера.

Олеся отвезла его в новую квартиру и с торжественной миной на лице вручила ключи:

– Поздравляю с покупкой! Продавец получил деньги и подписал бумаги. Спасибо, что наличными. С ними проблем меньше. И не забудьте через месяц забрать свидетельство на собственность.

– Четыре от квартиры, два от почтового ящика. А это от

чего? – задумчиво спросил Максим, разглядывая темный от времени ключ.

Олеся залилась краской и смущенно сказала:

– От сарая. Разве я не показывала? Идите со мной, – она пересекла двор и отомкнула калитку.

К забору, возведенному вокруг мясокомбината, примыкала добротная каменная постройка. Внутри стояли кровать и деревянный шкаф с брошенными старыми жильцами инструментами. На бетонном полу валялась длинная металлическая лестница.

– Я вам больше не нужна? – спросила Олеся. – Прошу прощения, но мне пора. У меня еще клиенты.

Она села в машину, захлопнула дверцу и оглянулась. Максим посмотрел на девушку, и в груди его разлилось радостное блаженство.

– У меня есть свой дом! – крикнул он. – Представляешь? Свой дом!

Синяя малолитражка, разбрызгивая колесами талую воду, скрылась за поворотом. Максим немного постоял, забрался на плоскую крышу сарая и удивленно присвистнул. В нескольких десятках метров от бетонного забора, насколько хватало глаз, тянулись ряды зданий. Высокие и низкие, целые и разрушенные почти до основания... наверное, это бывшие цеха мясокомбината. Интересно, а что за ними?

Кто-то негромко кашлянул. Максим от неожиданности едва не свалился вниз. Обернулся и увидел макушку сосе-

да-наркомана.

– Послушай, – осторожно произнес Максим и ткнул пальцем в развалины. – Что там?

– Смерть.

– Не понимаю. Заброшка, что ли? Что в ней опасного?

– Хочешь, сходи, проверь. Только завещание жене оставь. Зона там. Аномальная. С большой буквы Зона. Мы ее стороной обходим за километр, а ты, лошок, квартиру рядом купил.

Максим слетел вниз и схватил наркомана за ватник:

– Что ж ты мне сразу не сказал?

– Зачем я буду портить человеку бизнес? Олеся – своя, а ты – чужак пришлый. Да не дрейфь. Не полезешь за периметр – цел будешь. Забор ни одна тварь с той стороны не перепрыгнет. Граница это. Стена неприступная.

Максим отпустил наркомана. Тот нехорошо хохотнул, закурил сигарету и побрел к подъезду.

Что же делать? Требовать вернуть деньги? Вряд ли кто-нибудь примет всерьез такие претензии. Адвокаты на смех поднимут. Да и мебель уже заказана. Нет, все бесполезно. И бессмысленно. Сосед сказал, что в Зоне смерть? Что ж, пусть так! Лучше сгинуть навеки, чем выслушивать упреки жены!

Максим вынес на улицу лестницу, забрался на сарай и осторожно ее опустил по ту сторону периметра. Она достала до самой верхушки забора. Тогда Максим подергал верхнюю ступеньку и слез вниз, в Зону. Ничего необычного: все та же

грязная земля, лужи и талый снег.

Максим достал из рюкзака штык-нож: хоть какое-то оружие. Добежал до цеха и рванул дверь: полная разруха. Горды мусора на полу. У дальней стены – остатки токарного станка. В углу – отгороженная просторная комната с табличкой «Диспетчерская». Внутри тоже ничего странного: выкрашенный синей краской металлический ящик, стол, койка со старым матрасом и шкаф.

Максим вышел на улицу, обогнул длинную белую постройку и встал, не в силах вымолвить ни слова.

– Ну ничего ж себе... – выдавил он наконец.

Перед ним, насколько хватало глаз, раскинулось бескрайнее поле. Снег почти растаял, и сквозь белое покрывало проступили грязно-желтые пятна жухлой травы. Похожую на зимний камуфляж равнину резала прямая линия асфальтового шоссе. У самого горизонта темнела зубчатая кромка далекого леса. И еще Максиму показалось, словно там, за сплошной стеной деревьев, маячат верхушки многоэтажных домов.

Но этого не может быть! Весь мясокомбинат можно обойти за час, даже минут за сорок! Отсюда должно быть видно забор на другой стороне, а дальше – железнодорожная магистраль, гудки локомотивов и шум поездов. Но кроме заунывного свиста ветра, Максим ничего не слышал.

Он встряхнул головой и ущипнул себя за руку. Наваждение не пропало. Максим шагнул на дорогу, но из кармана

раздалась настойчивая трель сотового телефона.

– Алло! Кто это?

– Доставка мебели! – голос на другом конце линии хрипел и булькал. – Вы дома? Мы сейчас подъедем! Будем через пятнадцать минут!

Максим чертыхнулся и бросился в проход между цехами. Лестница по-прежнему стояла у периметра. Максим перелез через забор, добежал до подъезда и налетел на соседа-наркомана.

– Дурак ты, – хмыкнул тот. – Я бы на твоём месте не рисковал. Но, как знаешь – дело хозяйское. Ночью только не лезь – пропадешь ни за что.

Максим вошел в пустую квартиру, бросил рюкзак и куртку на пол и опустился на старый стул. Мебель привезли к вечеру.

Глава 2. Допрос с пристрастием

Гудок электровоза Максим услышал издалека. Пассажирский поезд зашипел, заскрипел тормозами, сбавляя ход перед станцией и, покачиваясь, свернул на первый путь.

Максим поднял фотоаппарат, проверил настройки и несколько раз нажал на кнопку затвора. Отличные кадры. Правда, небесного цвета локомотив слишком нарядный для невзрачного состава из красно-серых пассажирских вагонов, но ничего страшного. Для сайта железнодорожных фотографий сойдет.

У платформы остановился серый УАЗ с мигалками.

– Транспортная полиция! На каком основании проводите фотосъемку? – круглолицый сержант выскочил из машины. – Ваши документы?

Максим протянул паспорт.

– Гражданин Безымянный? Вы задержаны!

– За что? – Максим чуть не уронил фотоаппарат.

– В отделении разберемся!

Наверное, лучше было не спорить. Максим покорно забрался на заднее сиденье. Сержант захлопнул дверь. Водитель нажал на газ, и машина рванула с места, как гоночный болид.

По дороге сержант вытряхнул из спортивного рюкзака Максима перцовый баллончик и штык-нож:

– Зачем это тебе?! – рявкнул полицейский.

Максим только развел руками:

– От собак защищаться.

– Ношение холодного оружия! Значит, статья у тебя уже есть!

Сержант достал сотовый телефон, набрал номер и несколько минут с кем-то разговаривал. Потом удивленно присвистнул и ухмыльнулся Максиму в лицо:

– Да ты, я смотрю, крупная птица! На тебя пришла ориентировка! – и приказал водителю: – В ОВД!

Машина развернулась так, что Максим повалился на сержанта.

– Осторожнее! – прикрикнул тот через сиденье. – Я тебе дрова, что ли?

Наконец, УАЗ остановился возле украшенного колоннами трехэтажного здания. Водитель открыл дверь. Максим спрыгнул на асфальт, вдохнул запах пыли и весенней листвы, сморщился и громко чихнул. Сержант толкнул его в спину:

– Вперед, пошел! В камере будешь нос прочищать!

– Пойдите! А мой рюкзак? Там же фотоаппарат!

– Забудь! Это теперь вещественные доказательства!

На проходной, перед монитором видеокамер, скучал дежурный. Он пожал руку сержанту, лениво потянулся и спросил:

– Что у тебя? У нас тут тоска смертная.

– Зато нам весело мотаться туда-сюда. Оформляйте фо-

тографа.

Дежурный взял паспорт Максима, раскрыл документ и вдруг подскочил, словно ему в штаны насыпали горящих углей:

– Этого к Фирсову, быстро! – крикнул он. – С формальностями потом разберемся. Надеюсь, знаешь, куда?

Сержант едва ли не силой втащил Максима на второй этаж и, не стуча, втолкнул в его кабинет с табличкой «начальник отдела ФСБ полковник А. Фирсов».

За лакированным письменным столом сидел грузный человек с невыразительными, точно стертými чертами лица и тяжелым взглядом широко расставленных глаз. Он встал, подошел к Максиму, обогнул его вокруг, как если бы оценивал, можно ли ему доверять, и принес стул.

– Я вас не задерживаю, сержант, – неожиданно мягко сказал он.

Хлопнула дверь.

– Так вот ты какой, Максим Безымянный, победитель террористов? – в голосе незнакомца не было ни тени издевки.

– Победитель... кого?

– Не прикидывайся. Задурить головы целому отряду матерых убийц – думал, мое ведомство оставит это без внимания?

– Если вы про ту, давнюю историю, так это чистая самооборона! – отчаянно крикнул Максим. Но собеседник его не слушал. Он сел за стол и соединил кончики пальцев:

– Будем знакомы. Полковник ФСБ Александр Фирсов. Сожалею, что мы тебя напугали. Задержали, доставили в отделение...

– Отобрали рюкзак. Фотоаппарат, нож – вздохнул Максим. – Сержант ваш. Сказал, что вещдок.

Лицо Фирсова потемнело:

– Мне ни о чем не докладывали. Я разберусь.

Полковник нажал кнопку селектора:

– У гражданина Безымянного при себе был рюкзак. Пожалуйста, принесите его в мой кабинет. Немедленно!

Сержанту хватило минуты.

– Холодное оружие, – он выложил на стол штык-нож.

– Это уже не твоя забота. Свободен!

Полицейский испарился.

– Надеюсь, другие наши противоречия мы разрешим так же легко, как и это.

Максим вдруг почувствовал исходящую от полковника сладкую, как патока, ложь и встряхнул головой, пытаясь рассеять наваждение.

Фирсов повернул ноутбук:

– Садитесь же, наконец. И прочтите, пожалуйста.

– Максим Игоревич Безымянный, рост один метр восемьдесят сантиметров, тридцать два года, худощавый... Дрищ, одним словом.

– Да не здесь, – нетерпеливо перебил полковник. Он даже не улыбнулся.

– Так... Редкий неудачник, способен навлекать неприятности на других. Даже в смерти ему не везет – он все еще жив. Ерунда какая-то. Послушайте, это про меня в шутку написано!

– А здесь? – полковник ткнул толстым пальцем в экран.

У Максима полезли на лоб глаза.

– Особые способности: эмпатия... что это?

– Ты чувствуешь настроение других людей. Можешь устанавливать с ними мысленный контакт. Читай дальше!

–...убеждение, дар предвидения. Это бред! У меня ничего такого нет! Вы хотите сказать, что я – экстрасенс? Их не бывает!

– Разумеется, не бывает, – согласился Фирсов. – Слово «экстрасенс» давно дискредитировано шарлатанами. Поэтому и написано «особые способности». Они у тебя есть и сейчас я это докажу.

– Вперед! – несмотря на всю серьезность, разговор начал забавлять Максима.

Фирсов откинулся на спинку кресла:

– Конечно, все выглядит совсем не так, как нам показывают по телевизору. Все гораздо тоньше и страшнее. Ты думаешь, что честно сдавал экзамены, когда учился в университете?

– В общем, да.

– Смотри сам. У меня есть показания профессора Шершукова. Ты взял у него учебник за три дня до экзамена и

сдал предмет на «отлично». Думаешь, я поверю, что ты вы зубрил толстенный том за три вечера? Ты просто знал, что надо учить! Знал, какой билет тебе достанется!

– Это чистая удача! У меня хватило времени примерно на четверть вопросов.

– Случайно угадал три вопроса и стратиграфическую шкалу? – усмехнулся Фирсов. – И еще четыре раза отвечал без подготовки на других экзаменах? Счастливое совпадение? Не думаю. Кроме того, есть примеры, когда ты вправлял мозги своим учителям. Например, свидетельство доцента Боровкова: он поставил тебе четверку по курсовому проекту!

– Наверное, я хорошо его написал?

– Я сам видел эту работу. Там двойки много! Но это не самое страшное. Ты убил двух преподавателей.

– Я убил?! – в ужасе вскричал Максим.

– Один умер от сердечного приступа, второй – от инсульта. И оба этих случая произошли перед экзаменами. И оба убитых любили... гм... подношения и считали студентов тупыми лентяями.

Несчастный Максим закрыл лицо руками:

– Посадите меня в тюрьму...

На этот раз Фирсов от души расхохотался:

– По какой статье? Незаконное использование магии? Ты всего лишь попробовал, провел важный опыт. Основной и контрольный. И когда сработало, ты испугался и стал все от-

рицать. Впрочем, своими способностями ты все равно пользуешься. Неосознанно. Пойми: нельзя убежать от себя.

Максим почувствовал себя так, словно Фирсов сбросил на него с моста железнодорожную платформу.

– Что вы от меня хотите? – прошептал он.

– Мне надо, чтобы ты пошел в Зону. Только у тебя есть вероятность вернуться оттуда живым.

– А если я откажусь?

– Я не могу тебя заставить. Но и ты пойми: мне очень повезло, что ты здесь. Раньше Зоной никто не занимался – в том беспорядке, что царил в стране, до нее просто не было никому дела. Да и мы считали аномалии городской легендой. А потом государство захотело продать территорию мясокомбината. Ты слышал, что там пропала целая госкомиссия?

Максим развел руками:

– Нет.

– Мы снарядили две экспедиции. Ни известия, ни следа.

– И вы хотите узнать, что с ними?

Максима словно укололи в сердце иглой, такая волна боли пронеслась по комнате. Но лицо полковника осталось совершенно невозмутимым.

– Не только, – Фирсов положил на стол фотографию бородатого мужчины в камуфляже. – С последней экспедицией в Зону ушел мой единственный сын. Найди его. Живого или мертвого.

– Как же вы его отпустили? – вырвалось у Максима.

– Он меня не спрашивал. Я узнал обо всем слишком поздно. Да, опасность серьезная. Но и вознаграждение будет самое высокое. Деньги, почести и признание, даже государственные награды. Все, что пожелаешь.

Максим взял со стола штык-нож и сказал:

– Согласен!

– Вот так просто?

– Кому суждено быть повешенным, тот не утонет. Нельзя просто так убить человека и уйти. Это страшнее смерти.

Фирсов спросил уже деловым тоном:

– Когда ты будешь готов?

– Прямо сейчас! Зачем тянуть время?

– Что еще ты хочешь взять с собой?

– Револьвер!

– Что?

– Ну, револьвер, – повторил Максим. – Нужен же мне ствол. И патронов побольше.

Оружие нашли только через час, на складе вневедомственной охраны. Максим сам зарядил новенький, с хранения, наган и нежно, словно лаская, прошелся кончиками пальцев по гладкой вороненой стали.

Фирсов принес армейский десантный ранец и костюм «Горка». Максим переоделся и ловко упаковал свои пожитки.

– Зачем тебе камера? – полковник схватил Максима за плечо. – Лишний вес.

– Лучше остаться дома, чем куда-то идти без фотоаппарата. Надеюсь, вы не против зажигалки и фонаря?

– Нет, – буркнул Фирсов. – Возьми на всякий случай консервов и воды. Ты не хочешь ничего написать жене? Сам понимаешь, ты идешь не в туристический поход. Мы ее, конечно, предупредим. Скажем, что ты привлечен, как специалист к расследованию важного дела.

– Думаю, официальных соболезнований хватит, – поморщился Максим. – Мне такси вызвать? Или лучше на троллейбусе?

– Не паясничай. Я сам тебя отвезу.

Полковник вывел Максима через проходную. Лицо дежурного вытянулось от изумления. Он едва не изгрыз карандаш, но так и не произнес ни слова.

Глава 3. Первое знакомство

Металлические ворота заскрипели, лязгнули и закрылись. Сюда еще доносились людские голоса, веселый гомон ребятишек и шум машин. Но скоро городская суэта останется позади, за высоким бетонным забором. В другой вселенной.

Впереди же простиралась неизведанная Зона. Максим оглядел массивные громады цехов и, зачем-то ступая на цыпочках, прокрался в трехэтажное здание у периметра.

Внутри не оказалось ничего интересного: старые столы советских времен, перевернутые стулья, да какие-то бумаги. В углу валялся разбитый арифмометр. Груды старых бумаг на полу покрывал толстый слой пыли.

Максим поднялся на последний этаж, подошел к окну и долго смотрел на прохожих сквозь щели в ржавых стальных листах. «Какое мне дело до всех до вас?» – наконец усмехнулся он, сбежал по лестнице и выскочил на улицу, к заводским железнодорожным путям.

Прямо за стрелкой уткнулся носом в тупик маленький заводской тепловоз. Максим забрался в кабину. Все на удивление цело: приборы и переключатели на месте, потертые тормозные краны поблескивали металлом. На пульте валялась старая ушанка, на моторной переборке удивительно ровно висела репродукция картины «Ленин читает «Правду».

Заверещал сотовый телефон. Максим подскочил, ударил-

ся о ручной тормоз, чертыхнулся и достал из кармана трубку:

– Я тут чуть потолок головой не проломил! Нельзя же так!

– Ты еще не передумал? – прохрипел голос Фирсова. Максим, скорее, угадывал его слова.

– Вы сами знаете ответ.

– Тогда удачи! Скоро пропадет связь, и ты останешься один... – в трубке щелкнуло и на экране вспыхнула надпись «нет сети».

«Можно подумать, вокруг меня толпа народа» – злобно подумал Максим, спустился из кабины тепловоза на землю и заглянул в цех. Сюда лучше не соваться: сквозь дыры в крыше просвечивает яркое небо. Того и гляди, на голову свалится балка.

Максим прошел вдоль путей, обогнул два вагона-рефрижератора, и увидел высокое оштукатуренное здание с вывеской «Мясокомбинат».

В Зоне стояла почти полная тишина: только ветер шумел верхушками тополей, да где-то далеко угукала птица. Максим открыл ворота и схватился за стену, чтобы не упасть: ему показалось, будто над самым ухом замычала корова. Отчаянный, полный боли стон еще живого существа продолжался всего несколько секунд. Потом оглушительно щелкнул электрический разряд, и кто-то, наверное, рабочий, хрипло сказал: «Готова. Режьте».

Максим вытер со лба холодный пот и осветил фонариком выложенный белым кафелем барьер. Ни одной живой души.

Раздались возбужденные детские голоса. Через минуту ребячий гомон смолк и тот же рабочий произнес: «А здесь происходит процесс освобождения от жизни! Смотрите...»

Когда-то в этом месте была бойня: мощными разрядами электрического тока несчастных животных превращали в сырье для элитной говядины и свинины – продукции мясокомбината. Страшное понимание этого стало так же очевидно, как и мертвая тишина, стоявшая в здании на самом деле. Звуки ввинчивались прямо в мозг, Максим слышал их не ушами.

Ему стало жаль несчастных животных. Он попытался оправдаться перед самим собой: «Увы, пока еще человек не научился питаться водой и песочком. Нам приходится следовать древнему правилу – убивая, пожирать, и, пожирая, убивать. Мы ничем не отличаемся от хищников, разве только джунгли у нас каменные».

Словно в ответ на мысли, на Максима обрушилась ужасающая какофония: предсмертное мычание коров, рвущий душу визг свиней, топот и возгласы невидимых людей. Сердце сжалось и провалилось в пятки, спину прошиб ледяной пот.

Максим захлопнул ворота и, что было сил, побежал прочь от этой фабрики смерти. Он мчался, не разбирая дороги, придерживая кобуру с револьвером, и остановился, только когда чуть не свалился в глубокий овраг. На дне, неестественно вывернув шею, лежал труп человека в армейском камуфляже.

Максим спустился вниз и с досады хватил себя кулаком по ноге: похоже, кто-то опередил его. У покойника не было ни оружия, ни рюкзака.

За бойней начиналась разбитая грунтовка. Максим пересек лесопосадку, заросшее желтыми одуванчиками поле и понял: еще чуть-чуть, и он упадет прямо на том месте, где стоит. До этого особенной усталости не чувствовалось: организм подстегивали страх и любопытство. Но сейчас ноги невыносимо гудели, а шершавый комок языка превратился в горький лист полыни.

Проселок закончился у квадратного бетонного здания.

Максим приоткрыл дверь, заглянул внутрь и присвистнул, увидев накрытые темно-синей тканью станки. Казалось, рабочие только что закончили смену и ушли по домам. Навсегда.

«Зачем на мясокомбинате цех металлообработки?» – сквозь невыносимую жажду шевельнулась и тут же угасла единственная здравая мысль. Максим открыл дверь с надписью «Начальник производства»: внутри маленькой каморки стояли кожаный диван, массивный деревянный стол, стулья, сейф и два шкафа.

Посветив фонариком, Максим пожал плечами, вошел в кабинет и без сил рухнул на кожаный диван. Лишь через несколько минут он смог глотнуть воды из бутылки.

Максим вдруг понял, что совершенно не представляет, где находится, и куда идти. Можно было попытаться пой-

ти назад, но всем своим нутром Максим чувствовал, что именно этого делать нельзя, позади его ждет неминуемая гибель... от чего? Попытка напрячь «особые способности», не дала результата: странные внутренние ощущения работали только, когда хотели этого сами, не подчиняясь желаниям и воле человека.

Дневной свет, с трудом пробивавшийся сквозь маленькое окошко под потолком, постепенно угас. Наступил теплый весенний вечер.

Максим обыскал каморку начальника и нашел почти новую подушку и одеяло. Сойдет для ночлега.

Луч фонаря скользнул по входной двери и высветил старый плакат: обрамленный гвардейской лентой орден Славы и полустертые буквы: «сорок л... Побе...» Внизу кто-то написал: «нас осталось семеро».

«Это что здесь... Все с восемьдесят пятого года осталось?» – удивился Максим. «Начальник здесь спал, что ли? И подушка у него, и одеяло. Неплохо устроился, комфорт мужик любил, наверное».

Ощущение чьего-то присутствия не давало Максиму покоя, он зажег фонарик и, осторожно открыв дверь, вышел в цех. В тишине слышалось негромкое пощелкивание, будто кто-то быстро-быстро стучал зубами.

Максим инстинктивно направил луч фонаря на звук и на секунду высветил похожее на высокого человека белесое существо. Оно треснуло и мгновенно рассыпалось на части.

Совсем рядом снова защелкало. Дрожащими руками Максим достал фотоаппарат, включил вспышку, едва дождался зарядки и с силой вдавил кнопку спуска затвора.

Мгновенный ослепительный свет выхватил из темноты несколько белесых силуэтов, тут же развалившихся с уже знакомым треском. Максим влетел в кабинет, захлопнул за собой дверь и задвинул массивную щеколду. Полная тишина. Даже если за дверью что-то и было, стальная дверь не пропускала ни звука.

Рухнув на диван, Максим просмотрел снимки. Несмотря на то, что камера не сфокусировалась, в расплывчатых призраках за громадами станков угадывались человеческие скелеты: черепа с темными провалами ртов, светлые линии ребер и тянущиеся к объективу костлявые руки. Интересно, что делают скелеты с теми, кто им попадетсЯ?

От усталости с трудом слушались даже пальцы ног. Максим вытянулся на диване, выключил фонарь и провалился в тяжелый сон без сновидений.

Глава 4. Бледная бабочка

Часы показывали восемь утра. Максим осторожно отодвинул щеколду и открыл дверь, готовый в любую секунду ее захлопнуть. В комнату ворвался свет, ослепительно яркий после полутьмы кабинета. Снаружи разгоралось весеннее утро, солнечные лучи, освещали брошенные станки и ящики с инструментами. От скелетов не осталось и следа.

Максим вскрыл штык-ножом банку с консервами и пробормотал под нос: «А Фирсов-то не дурак!» Завтрак туриста – рыбные котлеты с перловой кашей, оказались отменными.

Покончив с трапезой, Максим накиннул рюкзак на плечи, прошел цех насквозь и зашагал по тропинке через маленькую рощу. И увидел аэродром: плиты взлетно-посадочной полосы, рулежные дорожки заброшенного аэродрома серыми линиями отчетливо прорезали свежую зелень молодой травы

Чуть в стороне, сверкая обшивкой под утренними солнечными лучами, стояли два больших остроносых бомбардировщика. Взгляд Максима скользнул по блестящему фюзеляжу, двигателям над хвостовым оперением и резко скошенным назад крыльям. Машины показались подстреленными птицами, которым больше никогда не суждено оторваться от земли. Странно, что на самолетах не было ни следа коррозии, но спущенные колеса говорили о том, что технику бро-

силы здесь очень давно.

Максим заглянул в башню. Из груды бетонных обломков торчала нога в армейском ботинке. Через застекленные окна в потолке виднелось безоблачное небо.

Сзади засвистел реактивный двигатель. Максим выругался и побежал по рулежной дорожке. Рев нарастал, превратился в оглушающее крещендо, пронесся мимо и растворился в вышине. Но на полосе не было ничего. И никого.

Максим перевел дух, перелез через забор за торцом полосы, пересек небольшой овражек и поднялся на железно-дорожную насыпь. С высоты было хорошо видно заброшенную электростанцию: увенчанный колючей проволокой забор, несколько зданий из красного кирпича, градирни, изъеденные ржавчиной трубопроводы, и потрескавшийся асфальт дорожек с проросшей травой.

Первое, самое ближнее к насыпи здание оказалось совершенно пустым, лишь под потолком висела покосившаяся кранбалка. Зато в стене темнела чуть приоткрытая дверь. Максим открыл ее и спустился в подвал.

Удивительно, но здесь не было полного мрака. Какие-то наросты на стенах светились голубоватым светом. Его было вполне достаточно для того, чтобы различать валяющиеся на полу контейнеры.

В нескольких комнатах жуткими тенями высились залитые чем-то блестящим механизмы и баллоны. В ящиках, аккуратно упакованные в промасленную бумагу, лежали гаеч-

ные ключи и отвертки. Максим осторожно открыл еще одну дверь в конце коридора, и густой смрад ударил ему в ноздри.

Справа что-то белело. Максим пригляделся и едва не закричал от ужаса: у стены скрючилась высохшая мумия. Кто-то высосал человека, оставив только обтянутый кожей скелет. Рука сама по себе потянулась к револьверу.

Максим кожей почувствовал: в подвале кто-то есть. Он повел фонарем, шагнул и увидел бледно-серое, похожее на бабочку насекомое размером с человека. Отвратительное создание склонилось над вторым телом и едва слышно хлюпало, быстро надуваясь и опадая.

Наверное, надо было спастись, бежать со всех ног. Но бабочка увидела свет, отпустила жертву и повернулась. Сверкнули сине-зеленые глаза.

Максим быстро прицелился и выстрелил. Пуля глухо ударила в голову чудовища и срикошетила в потолок. Бабочка поднялась и расправила крылья. В свете фонаря они переливались красными, синими и зелеными полосами. Один узор сменял другой, как в калейдоскопе и от этой блестящей круговерти у Максима закружилась голова. Перед глазами поплыли огненные круги.

Максим нажал на спуск еще и еще. Пять пуль с визгом отскочили в стены, не причинив монстру вреда. Бабочка рванулась вперед. Так, где у нее должен быть хоботок, раскрылись щупальца, обнажая черное отверстие. В лицо пахло сладковатым запахом тлена.

Максим стоял недвижимо, словно парализованный. И все же он смог вставить ствол револьвера в зияющую дыру и взвести курок. Глухо хлопнул выстрел. Монстр булькнул, завалился назад и упал на спину. Узор на крыльях померк, тонкие «проволочные» ноги поскребли бетонный пол, несколько раз дернулись и застыли.

Туман перед глазами рассеялся. Максим кое-как выбил стреляные гильзы и перезарядил револьвер. Конечно, вряд ли в маленьком подвале хватит места для двух чудовищ, но все же не стоит ходить здесь с пустым барабаном.

Рядом с телом валялся автомат. Максим подобрал его и с досадой махнул рукой: затвор застрял посередине хода. В патроннике блестела перекошенная гильза, ствольную коробку сплющило так, словно по ней проехал грузовик. Неужели это «бабочка» постаралась?

На всякий случай Максим отсоединил магазин и сунул его в рюкзак. Патроны лишними не бывают.

Скрипнула и грохнула о косяк дверь. В проем ворвался порыв ветра. Он пронесся по подвалу, поднимая пыль, и тут же утих, запутавшись среди стеллажей.

Максим поднялся наверх, вышел из котельной и чихнул от яркого света. Присел на кучу битых кирпичей и закрыл руками лицо. И вдруг он услышал едва уловимый шум – что-то вроде низкого «буууу». Звук не раздражал, наоборот, он придавал уверенности, словно кто-то невидимый постоянно твердил: все в порядке, не бойся. Секунда – и снова лишь

ветер шелестит листвою, да в молодой весенней траве трещат неугомонные кузнечики.

Но куда идти? Максим встал и побрел наугад, изо всех сил сжав веки. Почувствовал преграду, остановился и открыл глаза. Оказывается, он пришел прямо к проходной. От нее мало что осталось: деревянная сторожка давно развалилась и рухнула, полосатый шлагбаум валялся на земле.

Потрескавшееся шоссе вело через поселок. Наверное, в этих желтых трехэтажных домах жили работники электростанции. Максим обошел две квартиры: внутри только стены, оклеенные зелеными обоями, да кафельная плитка там, где когда-то была кухня. Не хотелось бы оставаться на ночлег в таком неприятном месте.

Дорога спустилась в низину и разделилась надвое: одна ее ветка петляла в поле, другая скрылась среди высоких сосен и зарослей кустов.

В лесу царил сумрак: даже здесь, на шоссе, солнце с трудом пробивалось сквозь густые кроны деревьев. Максим шагал и шагал, не обращая внимания на боль в натруженных ногах. Наконец посветлело, и сквозь ветви показались клочки голубого неба.

Рядом с дорогой, между толстых стволов, показалось что-то темное и высокое. Максим продрался через кустарник и увидел старую колокольню – кирпичная башня доставала почти до самых верхушек сосен. Забросили постройку, видимо, очень давно: из стены торчали ржавые скальные крючья.

Наверное, когда-то здесь тренировались альпинисты.

На верхней площадке, держа в руках автомат, лежал человек.

– Эй! Ты что там делаешь? – закричал Максим. – Иди сюда!

Человек зашевелился, автомат выпал из его руки. Ремень зацепился за альпинистский крюк, и оружие повисло высоко над землей.

Мертвец без лица взмахнул руками. Кто-то втоптал его в колокольню, чавкнул и недовольно заворчал.

Максим бросился бежать. Он чудом не свернул себе шею о толстые стволы деревьев, сам не зная как, оказался на шоссе и выскочил на опушку.

Несколько бревенчатых домов сгрудились у дороги. Некоторые почти развалились, посреди обломков бревен торчали печные трубы. Но кое-где даже уцелели стекла: яркие сполохи заходящего солнца слепили глаза, словно частые вспышки оружейных выстрелов.

За брошенной деревней высился пологий холм, на его склон, казалось, опустилось бело-розовое облако. Максим несколько минут стоял, силясь понять, что же это такое, пока не сообразил: это цветут яблоневые сады! Наверное, еще долго плоды человеческого труда не сдадутся под натиском диких кустов и сорной травы. А может быть, здесь, в Зоне, и никогда.

Максим присмотрел дом покрепче и вошел внутрь. В про-

сторной комнате валялся перевернутый стол. Коридор кто-то перегородил металлической кроватью. Максим сдвинул ее в сторону и рухнул прямо на ржавую сетку.

Небо понемногу темнело. Через десять минут Максим, кряхтя, заставил себя встать. Едва передвигая ноги, он поднялся на вершину холма и остановился, уже не в силах удивляться. Потом достал из рюкзака фотоаппарат и несколько раз щелкнул затвором. Мимо такого сооружения пройти нельзя.

Между полосатыми мачтами на металлических обручах неподвижно висели провода антенн. Диполи Надененко. Толстые кабели от них тянулись к похожему на серый куб зданию, с трех сторон окруженному лесом. На фасаде сооружения сохранилась вывеска «Радиоцентр».

Максим глянул на ярко-алый шар солнца над сплошной стеной леса и быстро зашагал к поваленному бетонному забору. Обогнул контрольную будку, вошел в радиоцентр и поднялся по лестнице.

Глава 5. Аномалия «Радиоцентр»

Весь третий этаж занимала аппаратная. Вдоль стен просторного зала темнели массивные шкафы передатчика. В зале, отгороженном металлической сеткой, поблескивали медные цилиндры метровой высоты – лампы усилителя высокой частоты. Стрелки вольтметров бессильно лежали на нулевой отметке. Нет питания.

Максим спустился на второй этаж и открыл дверь с табличкой «Начальник радиостанции полковник Федотов». Значит, радиоцентр – военный объект? А как же вещательный передатчик?

В кабинете кто-то побывал: в ящиках письменного стола не осталось и следа документов, книги, вероятно, из шкафа, валялись на полу бесформенной грудой. На полу отпечатались свежие следы ботинок. Максим бросился к лестнице, слетел на первый этаж и увидел свет. Желтая полоска пробивалась в щель через неплотно закрытые створки.

Максим спустился в длинный коридор, в котором почему-то горели лампы, и уткнулся в герметичную, как на подводной лодке, дверь с надписью «Убежище». Ни на что особенно не надеясь, он надавил на кнопку звонка. Со скрежетом провернулся штурвал, и широкоплечий бородач неприветливо спросил:

– Ты кто? Из какой экспедиции? Сколько вас было?

Наверное, в другое время Максим подпрыгнул бы от радости, но сейчас на эмоции у него попросту не осталось сил.

– Здравствуйте, Николай Фирсов! – устало произнес он. – Я по вашу душу.

– Откуда ты меня знаешь?

– Меня послал ваш отец, Александр. Он мне показал фотографию.

Бородач посторонился. Максим вошел в помещение размером с театральный зал, сплошь заставленное двухэтажными лежанками. Где-то рядом ровно урчал дизель.

Максим сбросил рюкзак, рухнул на нары и с наслаждением вытянул ноги:

– Вы не против, если я поваляюсь? С трудом лежу, а сидеть так и вовсе не могу. Оттопал не знаю сколько километров.

Гул дизеля на секунду превратился в рев. Хлопнула дверь и в убежище, пружинисто ступая, вошел жилистый седой мужчина.

– Вот так-так, – сказал он приятным, хорошо поставленным голосом. – Живой человек!

От неожиданности Максим вздрогнул, шарахнулся в сторону и едва не свалился на пол:

– Вы... Меня чуть инфаркт не хватил!

Незнакомец ощупал Максима взглядом умных серых глаз и открыл банку консервов:

– Перекуси, наверное, целый день голодный. Будем знако-

мы: я – доцент Петровский, научный руководитель экспедиции.

– А хорошо вы устроились, – Максим кое-как сел и подцепил вилкой рыбину. – Жаль, я вешки с собой не захватил. Ну, чтобы дорогу назад найти.

– Вешки? – переспросил Петровский. – Чего у нас только не было! Даже радиомаяки. Не помогло. Из девяти человек осталось всего двое.

– Значит, я нашел не всех.

Максим вкратце рассказал о своих приключениях в Зоне.

– Бабочка, говоришь? – Фирсов хлопнул себя кулаком по колену. – Надо же! Я же строго-настрого приказал держаться всем вместе! Часовых выставил! А утром встали – двоих нет! Зачем они пошли в подвал?

– Не знаю... А здесь работает генератор, – Максим попытался сменить неприятную тему.

– И даже канализация.

– Мне совсем не хочется думать, куда стекает ее содержимое.

Доцент ухмыльнулся:

– Мне, если честно, тоже. Жаль, со спутников ничего не видно: просто заброшенный мясокомбинат. Так что карты у нас нет.

– Не пробовали беспилотники?

– Не считай нас идиотами, – Николай Фирсов набычился. – Дроны просто исчезают. Пропадает сигнал. Кто-то

предложил лететь на вертолете, но сам понимаешь, желающих не нашлось.

– Ладно, – сказал Максим. – Хватит веселиться. Нам надо попробовать выйти к периметру. Идем завтра с утра.

Николай Фирсов злобно сверкнул глазами:

– Раскомандовался! Это же свертка! Свертка пространства и времени! Отсюда нет выхода, дурья твоя башка! Мы постоянно возвращаемся обратно, куда бы ни шли! Может, проще дожидаться спасательной команды? Здесь полно запасов!

– Тогда счастливо оставаться, – Максим положил на пол пустую банку и зевнул, – Я пойду один. Вы – как хотите.

Он закрыл глаза, но спал, казалось, всего миг.

Кто-то коснулся руки. Максим протер глаза и в тусклом свете дежурных ламп увидел Петровского.

– Мы идем или нет? – нетерпеливо спросил тот.

– Вы уже передумали ждать спасателей?

– Вряд ли они сюда дойдут. Я же не Коля, – Петровский постучал себя по лбу. – Как начальнику охраны, ему прости-тельно тупить.

Максим потянулся и сел на нары. Ноги невыносимо ло-мило.

– Я есть хочу, – простонал он и пробил штык-ножом банку консервов.

– Хорошо. Пойду Коляна разбужу.

Петровский потряс за плечо Николая Фирсова. Тот от-

крыл глаза и подскочил, словно рядом с ним прозвенел колокол громкого боя.

– Дружище, тебе здесь, в Зоне, не страшно? – Николай потянулся и сел.

– Да ужас как, – пробормотал Максим с набитым ртом. – Но что я могу поделать? Не сидеть же просто так.

– Почему бы нет? – откликнулся Николай и нажал на ручку двери с надписью «Продовольственный склад».

– Скучно, наверное! – ухмыльнулся Петровский.

Максим покрутил пальцем у виска:

– По-моему, мы зря теряем время. Ну, я на разведку.

Он медленно, озираясь по сторонам, поднялся наверх, осторожно выглянул наружу и поежился от холода. Только-только занялась заря, и все небо тускло светилось розово-красным светом. Все небо?!

– Эй! Сюда! – закричал Максим. – Смотрите!

Петровский и Фирсов не заставили себя ждать.

– Ничего себе рефракция, – кивнул доцент. – Мы готовы.

Идем?

Максим кивнул и двинулся вперед. Сначала он попытался обойти холм, но асфальтовая лента шоссе привела его обратно к радиоцентру. Серое здание издевательски маячило сквозь утреннюю дымку.

Максим посмотрел наверх: почти на вершине темнел отвесный обрыв. Но раньше его здесь не было!

– Заметил? – издевательски сказал Николай. – Мы что,

похожи на идиотов, да?

Максим повел группу через лес. Казалось, здесь все вымерло: Максим не слышал даже обычных для леса криков птиц. Тишина, если не считать шуршания ветра в кронах, да тяжелого дыхания спутников.

Шли долго. Казалось, бесконечная череда толстых, заросших зеленым мхом стволов никогда не кончится, но, наконец сквозь деревья показалось что-то мрачное, темное. Понемногу оно превратилось в огороженное металлической сеткой сооружение похожее на бетонный куб с плоской крышей.

– Трансформаторная подстанция, – буркнул Петровский. – Мы пришли обратно.

Максим почти побежал и обогнул забор. Выложенная плиткой дорожка тянулась к ненавистному зданию радицентра.

– Сдаюсь. Идем на базу, – Максим театрально поднял руки.

– Теперь ты понял, почему мы сидим на месте? Мы перепробовали все, Фома неверующий! – Николай хлопнул Максима по плечу так, что тот едва не упал. – Мою ношу дотащить не желаешь?

– Нет. Печально: куда ни пойдешь – все тот же радицентр. А вы на антенну не взбирались?

– Разумеется! – раздраженно ответил Фирсов. – Холм и лес. Вот и все.

Максим спустился в убежище. От нечего делать он за-

глянул в генераторную. Довольно урчал дизель, пузырьки топливомеров, как живые, плясали почти у верхнего обреза шкалы. Значит, две продолговатые цистерны с горючим полны солярки.

По медпункту Максим пронесся вихрем, открывая дверцы шкафов и застекленных стеллажей. Бинты, противорадиационные таблетки. Хирургические инструменты. Автоклав, стерилизатор. Да здесь можно поставить на ноги роту солдат после наступательной операции! Правда, все это медицинское богатство изготовлено лет тридцать назад.

На склад продовольствия Максим зашел лишь на минуту. На стеллажах блестели консервные банки. Мешки были забиты сухарями, сахаром и мукой. Все рассчитано, наверное, на сотню человек, на несколько недель существования. Трое же могут протянуть здесь месяцы, если не годы, но как раз этого хотелось бы меньше всего. Ужас без конца – далеко не самый лучший выбор.

Чья-то рука легла на плечо. Максим подпрыгнул чуть не до потолка, обернулся и, увидев Петровского, перевел дух.

– Как инспекция? – мягко спросил тот.

– На этот раз вы едва не довели меня до инсульта. А здесь можно жить. Жаль, я не представляю, как отсюда выбраться. Но я еще подумаю.

Максим лег на нары, достал револьвер и провернул барабан. Отчетливо прозвучал щелчок. Петровский недовольно покосился на оружие:

– Голову себе не отстрели!

– У меня не выходит из головы Николай. Слишком он умный для начальника охраны.

– Откуда ты это знаешь?

– Простая логика. Он сам сказал: я выставил часовых. И вот он же мне втирает насчет беспилотников. Ладно. Может, я просто придираюсь? Но что-то у меня на душе неспокойно. Вот здесь, – Максим поскреб пальцами куртку на груди. – У вас дозиметра нет? Вы радиацию по пути не замеряли?

– Все чисто. Только фон. И тот ниже, чем в городе.

Петровский ушел в генераторную. Интересно, чем он там занимается?

Максим прикрыл глаза. Надо хотя бы выспаться. Что еще остается?

– Привет, – негромко сказал кто-то.

Максим увидел коренастого мужчину в мундире Советской Армии. Три больших звезды на погонах – значит, полковник.

– Привет. Я – Максим. Безымянный. А ты кто?

– Давай не груби! Фамилия?

– Безымянный. Ну, так получилось...

– А... Вот оно что, значит. Полковник Федотов. Начальник центра связи. Будем знакомы. Зачем ты сюда пришел?

– Случайно. Просто шел и наткнулся на это место.

– Нет. Случайно – это они пришли. Твои друзья – Колян этот, да ученый-моченый. Тебя привели.

– Кто?! – изумился Максим.

– Вот ты мне скажи, зачем вы все разорили? – вместо ответа спросил Федотов.

– Что – все?

– Страну. Промышленность. Достижения. Счастье было так близко. Оставалась всего одна мировая ядерная война.

– Не понимаю.

Максим хотел встать, но онемевшие руки и ноги не слушались. Тело сковал паралич. И вдруг прямо в лицо ударил яркий, обжигающий свет. Максим словно подпрыгнул к потолку и облетел убежище. На нарах лежали и сидели сотни человек: мужчины, женщины... Дети играли на бетонном полу. В медпункте девушка в белом халате перевязывала голову старику. Нестройный гомон доносился как будто сквозь тонкую деревянную стену.

Федотов обвел рукой помещение:

– Ошибаешься. Война была. Видишь людей? Они ждут, когда можно будет начать строить новый мир на обломках старого.

– Не может быть!

– Пролетариату нечего терять. А вы все уничтожили сами. И теперь здесь разруха. Вы забыли голод и не хотели довольствоваться малым.

– Так была ядерная война или нет? – воскликнул Максим и понял, что на самом деле он смотрит на агитационный плакат гражданской обороны в руках Федотова.

– Вы сами хуже ядерной войны...

– Постой! А можно отсюда выбраться?

– Можно, – ухмыльнулся Федотов. – Пойдем со мной, я тебе все покажу и расскажу. Только водки не забудь. Много. А, черт. Водка... Водка, будь она проклята... – голос полковника стих, заглушенный журчанием воды.

Сон продолжался. Максим провалился в полутемный тоннель. В нем стояла сырая прохлада. С потолка лился зеленоватый свет. Призрачные блики играли в удивительно прозрачном ручье. Интересно, как эти растения, похожие на кошачьи глаза, держатся на бетоне? Максим шел, стараясь не касаться темных от влаги стен, и его шаги гулко отдавались в пустой глубине боковых ответвлений.

Сзади мелькнула тень. Кто-то ударил Максима по ногам. Он упал, а неизвестный враг прижал его к полу и сунул голову в ледяную воду. Максим закричал, что есть мочи и открыл глаза. Щеки пылали огнем, словно по ним прошлись наждачной бумагой.

Николай Фирсов размахнулся, но тут же опустил руку:

– Ну ты и горазд орать. Я тебя трясу, а ты все спишь и вопишь, словно тебя режут. Пришлось врезать малехо. Так что извини, братуха.

Максим рассказал сон, умолчав, однако, о тоннеле: шестое чувство просто кричало о том, что сейчас ни к чему болтать лишнего.

– Тебе бы такое приснилось. Посмотрел бы я, как бы ты

хранил гордое партизанское молчание, – добавил он.

Доцент кивнул:

– Да, было время, когда все едва не закончилось ядерной катастрофой.

– Карибский кризис?

– Много позже. Тогда компьютер выдал ложную команду на запуск ракет. Еще бы немного – и конец. А остановил войну Федотов. Он просто не передал приказ. Начал звонить, выяснять. Командование спохватилось и остановило взбесившуюся ЭВМ... Потом полковника уволили из армии, он спился и умер. Говорят, жалел о том, что сделал. Вернее, не сделал.

Максим почесал в затылке стволом револьвера:

– У меня иногда бывает странное ощущение. Вроде как время раздваивается. Вот и сейчас мне кажется, что есть две реальности. В одной я сейчас разговариваю с вами, в другой...

Перед глазами встали выбеленные стены, длинный коридор с множеством дверей, маленькая пустая комната и лежащий на кровати человек в больничной пижаме. Пожилой мужчина что-то объяснял высокой женщине. Ее ярко-красное платье казалось неуместным среди странного черно-белого кино...

– Ну, продолжай, – нетерпеливо попросил Петровский.

– В больнице какой-то лежу, – Максим почувствовал, как кровь прилила к лицу. – Ладно, проехали. Я, кажется, знаю,

как отсюда выбраться. Нам нужна водка.

– Что?! – одновременно воскликнули Петровский и Фирсов. В их голосах ясно читалось удивление и недоверие.

– Водка, – повторил Максим. – О ней говорил полковник Федотов. Вам надо упиться в хлам так, чтобы мы шли, как говорится, «на автопилоте». Может, тогда получится разорвать порочный круг?

– А ты?

– Закрою глаза. Мы все свяжемся веревкой, и вы будете меня тащить. Я не могу пить спиртное: у меня аллергия.

– А вдруг ты нас... – Фирсов выразительно резнул себя ребром ладони по шее.

– Зачем? Меня же за тобой специально послали!

– Мы это знаем только с твоих слов.

Максим вздохнул:

– Придется вам рискнуть. Я один не справлюсь.

В убежище повисло неловкое молчание. Лишь в генераторной ровно урчал дизель.

– Хорошо, – сказал доцент. – Есть только проблема с водкой. Где ее взять?

– Эх вы, – усмехнулся Максим. – Вы так и не проверили медпункт? Там спирта хватит, чтобы довести до третьей стадии алкоголизма батальон солдат.

– Нет, – сказал доцент, – не в этом дело. Нам хватило одной попытки, чтобы больше к нему не прикасаться. Пока пьешь, все вроде как обычно. Даже весело. Хочется петь и

плясать. Но когда засыпаешь... одним словом, мы едва не сошли с ума от кошмаров.

Глава 6. Узкоколейка

Утром погода испортилась. Небо затянула плотная, ровная пелена туч, из которой накрапывал мелкий дождь. Максим поднял воротник куртки и, зажмурив глаза, покорно плелся позади связанных вместе Николая Фирсова и Петровского. От них ощутимо тянуло алкоголем, и оба они, как по рельсам, брели неизвестно куда. Да все равно, только бы подальше от радицентра!

Максим, прислушиваясь к внутренним ощущениям, попробовал чуть свернуть в сторону. Но кроме натяжения веревки он почувствовал внутреннее сопротивление, словно кто-то мягко, но настойчиво толкал его в середину невидимого желоба. И вдруг Максим понял: теперь он может всегда уйти из аномалии. Безо всякой водки. Еще бы только узнать, куда?

Мертвую тишину нарушил далекий крик птицы.

– Все... Лес... кончился, – с трудом выговорил Николай Фирсов.

Максим открыл глаза. Рельсы узкоколейной железной дороги прямой блестящей линией тянулись далеко к горизонту. Приземистое здание вокзала сверкало свежей краской. Чуть поодаль темнело депо, возле разворотного треугольника в тупик уткнулся черный паровоз-«кукушка» с двумя зелеными вагонами.

Максим щелкнул затвором камеры и, поддерживая своих спутников под руки, потащил их к вокзалу. Они ввалились внутрь, растянулись на лавочках в зале ожидания и захрапели – пьяные, они годились лишь на то, чтобы пройти «заколдованный лес» вокруг радиоцентра. Петровский негромко урчал, из угла его рта на цементный пол стекла ниточка слюны. Фирсов же надрывался вовсю. Казалось, еще немного, и от его храпа разлетятся стекла.

Максим чихнул, на всякий случай достал револьвер и сел на скамью у противоположной стены.

Дежурство показалось ему бесконечным. Наконец зашевелился доцент. Может, его организм лучше сопротивлялся алкоголю, а может, он просто меньше выпил.

– Башка трещит... Вода есть? – прохрипел Петровский.

Максим подал ему флягу:

– Можете идти?

Доцент жадно глотнул.

– Думаю, да.

– Давайте на паровозе поедем? Дров-то полно, – зашевелился Фирсов.

Максим горько вздохнул:

– А вы справитесь? Регулятор, отсечка пара, инжектора...

Чуть что – котел разнесет так, что жаровые трубы разлетятся в стороны, как... щупальца у креветки.

– Старик-всезнайка, – издевательски фыркнул Фирсов.

– Какой есть, – огрызнулся Максим. – Придется топать

пешком. Впрочем... может, в депо что-нибудь найдем?

Петровский глянул на часы:

– Хорошо. Время пока есть.

Максим обошел три пустых паровозных стойла и склад инструментов. Ключи, отвертки, молотки разных размеров – все целое, инструменты новые, как если бы их только что положили. Но что толку?

– Эй! Сюда! – раздался зычный крик Николая Фирсова.

Максим выскочил на улицу. Возле блестящего озера отработанной смазки валялась ручная дрезина: четырехколесная платформа с торчащим сверху рычагом-качалкой. Фирсов с Петровским, кряхтя, поставили ее на рельсы. Максим потянул за рычаг, он вывалился из гнезда и остался в руках.

– Надо положить дрезину набок...

– Я тебе что, грузчик?! – рывкнул Фирсов. – Совсем обнаглел!

Максим сжался. В ушах зазвенело, словно от удара. Он сел на рельсы, достал револьвер и нервно покрутил барабан.

– Николай! – услышал он мягкий голос Петровского. – Думаю, с человеком, который спасает наши никому не нужные шкуры, нужно обходиться повежливее!

Дрезину перевернули. Максим внимательно осмотрел механизм: кто-то вытащил шпильку крепления рычага. Наверное, чтобы со станции не сбежал ни один человек.

Максим развил бурную деятельность. За несколько минут он нашел на складе подходящий болт, воткнул качалку

в гнездо и соединил ее с кулисой. Немного подумал, и закрепил его двумя гайками, не забыв проложить между ними разрезную шайбу. Потом промазал соединения машинным маслом.

– Вроде, должно работать...

– На все руки мастер, – улыбнулся Петровский.

– По-моему, чтобы прикрутить один болт, много ума не надо. Я, правда, чувствую себя мужиком.

– Каким мужиком? – удивился доцент.

– Который двух генералов прокормил, – Максим отнес гаечные ключи обратно на склад.

Дрезину водрузили обратно. Фирсов потянул за рычаг, и неуклюжая конструкция сдвинулась с места, стукнув колесами на стыках. И вдруг Максим услышал голоса людей, свистки паровозов и лязг сцепок – обычный шум железнодорожной станции. Вроде ничего необычного, если не считать, что сейчас эта станция была мертва.

– Ты с нами или нет? – крикнул Петровский.

Максим вскочил на платформу, сбросил рюкзак и встал к рычагу. Начался долгий путь домой.

Дрезина резво катилась по ржавым рельсам, издавая на поворотах пронзительный скрежет. От заунывной песни колес ныли зубы. Максим, то и дело вытирая со лба дождевые капли, едва успевал смотреть вперед. По обеим сторонам высилась непроницаемая стена деревьев, и просека с насыпью казалась прорубленным в серо-зеленой скале тоннелем.

Лес понемногу редел. Дрезина проскочила переезд и заскрежетала на стрелке, уходя на боковой путь маленького разъезда.

– Стоп! – приказал Петровский и нажал на педаль тормоза. – Привал!

Максим еле успел подхватить свалившийся с лавки рюкзак.

Далеко впереди послышался слабый гул. Он быстро нарастал и превратился в дрожащий рев дизеля. Просигналив, невидимый поезд промчался мимо и затих вдали.

– Ты что? – Фирсов схватил Максима за плечи и встряхнул.

– Поезд. Вы это... вообще ничего не слышали?

– Вообще ничего, – подтвердил Петровский.

– Совсем глухие, что ли? – Максим открыл банку консервов и зацепил рыбину штык-ножом. – Все, у меня уже руки отваливаются. Пусть кто-нибудь другой вместо дизеля поработает.

Фирсов фыркнул:

– Это тебе не в интернете сидеть. Ладно. Отдыхай, слабак!

Он встал к рычагу. Заскрежетали колеса. Дрезина качнулась и выехала на главный путь.

Теперь насыпь прямой линией прорезала болота: среди темной, почти черной воды, виднелись островки молодой травы. Сколько же нужно усилий, чтобы проложить железную дорогу через такую топь?

Под насыпью валялись вагонетки.

– Торфовозные, – многозначительно заметил Максим. – Интересно, какую же узкоколейку сюда «завернуло»?

Никто ничего не ответил. Только Петровский мрачно посмотрел на часы.

Болото закончилось перелеском. Остался позади путепровод над ровным, словно недавно построенным, шоссе. Наконец за поворотом показались трубы котельной и серые коробки трехэтажных домов.

Дрезина застучала на стрелках. Максим увидел, что рельсы обрываются у бетонного забора и едва успел потянуть тормозной рычаг. Наверное, раньше здесь была станция, но теперь от нее осталась только груда кирпичей.

– Слезай, приехали! – сказал Петровский и спрыгнул на остатки пассажирской платформы. – Коля, автомат мне! У тебя руки дрожат!

– Отдать оружие? Никогда... – процедил Фирсов.

– Я приказываю! Как начальник экспедиции!

Максим достал револьвер из кобуры и протянул его Николаю:

– Отдайте автомат, раз просит. Начальству виднее.

Фирсов удивленно поднял брови, но подчинился непосредственной и наивной простоте. Петровский осмотрел оружие, щелкнул предохранителем и пошел к проходной. Под тяжелыми ботинками захрустело битое стекло.

Глава 7. Тоннель

Поселок прошли без остановки. Максим хотел обойти несколько квартир, но Петровский глянул на часы и нетерпеливо выкрикнул: «За мной!» Доцент почти бежал, закинув автомат на плечо. Едва поспевая за ним, Максим перескочил через бетонный блок у ворот металлической ограды и сквозь решетку увидел вкопанные в землю стальные купола.

– Ракетные шахты! – выдохнул Фирсов. – Откуда?

Никто ему не ответил. Петровский, не сбавляя темп, обо-гнул ограду и бросился через заросшее бурьяном поле. Далеко впереди блестела речка с переброшенным через нее мостом. В стороне от нее, в склоне пологого холма, темнело устье тоннеля.

– Нам туда, – сказал Максим.

– Откуда ты знаешь? А если мы не пойдем? Кто знает, какие там твари живут? – взвился Фирсов, размахивая револьвером.

– Мы тогда не успеем до темноты! – Максим вытащил из ножен штык-нож. – Да нет здесь никого! Расслабься. Только в боковые проходы не лезь.

– Откуда ты знаешь?

Максим пожал плечами. Неожиданно пришло полное, неземное спокойствие, словно в Зоне ему намного привычнее и уютнее, чем там, за периметром. Наверное, так оно и

есть. В городе слишком много мерзости и грязи. Здесь же все на виду, все честно. Или нет?

Фирсов заглянул в проем, поежился и сказал:

– Тогда я иду впереди. Здесь сначала пропадают последние.

Максим посмотрел на Петровского и уныло побрел вторым. Теперь он шел по тоннелю, по полу которого протекал ручей удивительно прозрачной воды. Мокрые стены светились призрачным зеленоватым сиянием, исходящим от растений, похожих на кошачьи глаза. Интересно, как они держатся на гладком бетоне?

«Дежавю. Как в том сне. Что же произойдет? Коля же идет первым, а доцент даже не отказывался замыкать группу? Вот странно».

Фирсов ушел далеко вперед. Его размытый силуэт растворился в дымке. Тишину теперь нарушал только мягкий шум воды. А где же Петровский? Отстал?

Максим хотел обернуться, но наступил на шнурок и рухнул на пол. Колено пронзила резкая боль. Тут же грянул выстрел. Пуля взвизгнула над головой. Петровский стоял во весь рост, приложив автомат к плечу. И почему-то не стрелял.

– Аааа, курва! – закричал доцент, дергая рукоятку затвора.

Максим вскочил и, хромая, заковылял прочь. За спиной звякнул металл: автомат упал на пол.

Петровский прыгнул и схватил Максима сзади за шею. Несколько секунд его пальцы, как кольца анаконды, пытались продавить толстый воротник куртки.

Максим неуклюже попытался ткнуть врага штык-ножом. Доцент перехватил руку и отбросил оружие далеко в сторону.

– Ты думал, я книжный червь? Я был спецназовцем!

Все, это конец. Нет смысла трепыхаться... Но Максим не сдался. Он, что было сил, лягнул Петровского по голени.

– Тварь вшивая! – зашипел тот, но не выпустил жертву.

Доцент заломил Максиму руку за спину и сунул его лицом в ручей. Ледяная вода ударила иглами в рот и нос, в глазах потемнело...

Вдруг противник обмяк, и тяжелая ноша свалилась с плеч. Кто-то вытянул Максима из ручья и с силой ударил по спине, выбивая из легких воду.

– Спа...сибо, – прохрипел он и закашлялся.

– Всегда пожалуйста, – странно вежливо сказал Николай Фирсов.

Максим подобрал автомат:

– Гильза в патроннике застряла. Второй раз уже. Как в подвале с бабочкой.

Петровский зашевелился и сел на полу, прижимая к голове руку. Фирсов направил на него револьвер:

– Встать и к стене! Руки на затылок!

Доцент выполнил приказ.

– Хорошо еще, что он не прирезал меня моим же штык-ножом, – заметил Максим. – Хотел бы я знать, почему?

– Твоя ковырялка тупая, как сибирский валенок, – пробурчал доцент. – Ей хлеб-то не разрежешь, не то что тело проткнуть, да в одежде.

– Но это же оружие! С ним солдаты в караул ходят!

Петровский хохотнул:

– Ты в армии служил?

– Только военная кафедра.

– Понятно. Пиджак в армии – фигура неуязвимая, как генералиссимус. Запомни: штык-нож – страшное оружие, когда к автомату примкнут. Тогда за счет массы он, как копье...

– Думаю, наш проводник не дурак. Сам поймет, что к чему, – оборвал доцента Фирсов.

Максим выбил из автомата застрявшую гильзу, подобрал штык-нож и тронул Николая за руку:

– Как ты меня назвал?

– Проводник. Теперь это твое прозвище!

– Нет. Это мое имя. Здесь, в Зоне.

Фирсов покрутил пальцем у виска и взвел курок.

– Стой! – крикнул Максим, похолодев от ужаса. – Ты что?

– Кончить уroda – и дело с концом!

– Нельзя же убивать человека просто так!

– Как там шея? – съехидничал Фирсов.

– Терпимо. Да и ладно, не страшно. Зато теперь у Макси-

ма болит нога!

– А задница у него не болит? В общем, ты прав. Не стоит портить ручей смрадным трупом. Мы же экологи! А, доцент? Шагом, марш!

Петровский выругался и двинулся вперед. Но стоило ему поравняться с черным провалом бокового прохода, как он скользнул в непроглядную темноту и бросился бежать.

Николай ринулся за ним. Максим едва успел поймать его за руку:

– Стой! Иначе...

По тоннелю эхом разнесся далекий всплеск.

Фирсов сглотнул слюну и побледнел:

– Вот и все...

– Идем отсюда. Быстрее.

Максим, прихрамывая, побрел дальше, стараясь не касаться стен. Кто он теперь? Проводник? Или все это выдумка, ложь? Попытка обмануть самого себя?

– Смотри! Выход! – радостно закричал Фирсов.

Там, куда он указывал, появилось светлое туманное пятно. Максим, как мог, прибавил шагу и, наконец, вышел на синее от васильков поле. Низкие тучи сочлились мелким, противным дождем.

– Похоже, нам все-таки придется искать место для ночлега, – разочарованно сказал Максим.

Но, пройдя поле и лесопосадку, он узнал руины мясокомбината. Сквозь выбитые окна и трещины в стенах маячил

отблеск городских огней. Люди жили размеренной жизнью, отделенные от монстров и аномалий неизвестно кем проведенной четкой границей.

Несколько секунд Максим стоял недвижимо и вдруг сообразил: там, за периметром, его собственный дом! Его квартира! Это жена не выключила свет: ну сколько раз ей можно твердить об экономии!

– Все! Выбрались! Подожди меня!

– Зачем? – удивился Фирсов.

– Спрячу автомат. Не идти же с ним по улицам.

Максим прошел в цех, в диспетчерскую, и спрятал автомат и патроны в металлический ящик. Немного подумав, он сунул туда же штык-нож, выбежал на улицу и позвал Николая. Отныне чудом уцелевшая комната в цехе стала схроном.

У периметра все еще стояла металлическая лестница. Максим перелез первым. Подал Николаю руку и помог ему забраться на крышу сарая.

– Ну, пока. Я домой. Спать хочу.

Фирсов сунул револьвер в карман куртки:

– Нет. Ты поедешь со мной. Обо всем доложишь отцу.

Максим хотел было возразить, но махнул рукой. Нельзя спорить с непреодолимой силой. Сомнет и раздавит. Он спрыгнул на землю и покорно поплелся за Фирсовым.

В вестибюле ОВД разгадывал кроссворды уже совсем другой дежурный. Николай показал ему «корочки»:

– Старший Фирсов у себя?

– Минут двадцать назад ушел.

– Тогда принимайте этого, – Николай толкнул Максима к барьеру. – Головой за него отвечаете!

– Ясно. По какой статье оформлять?

– Не по статье... И не в камеру! Я сейчас организую ему лежбище в курилке. Охрану только поставьте.

– А... Важный свидетель, значит?

– Важнее не бывает.

Николай отвел Максима в комнату отдыха. Достал из шкафа подушку и старое одеяло, и застелил диван:

– Отдыхай. Захочешь по нужде: постучи в дверь, тебя проведут.

Максим с наслаждением сбросил рюкзак, рухнул в постель и закрыл глаза. Он услышал только резкий и оглушительный, как взрыв, щелчок выключателя и мягкий стук двери. Казалось, он едва успел провалиться в сон, как тут же кто-то схватил его за плечо:

– Вставай! Не то замерзнешь! – произнес знакомый голос.

Голос полковника ФСБ Александра Фирсова.

Максим открыл глаза. В комнате было светло, маленькие искорки пылинок вспыхивали и гасли в ярких лучах солнца. Колено нещадно ломило, шея горела, точно ее смазали жгучим перцем.

– Который час?

– Полдень. Коля мне вчера позвонил и попросил тебя не трогать. Да я и сам все понимаю.

Максим сел на кровати, засучил штанину, потрогал поси-
невшее колено и едва не закричал от боли. Но опухоли вроде
не чувствовалось.

– Видел бы ты свою шею. Индийская роспись, – Фир-
сов-старший нахмурился и включил электрический чай-
ник. – А теперь выкладывай. Все и с подробностями.

– Разве Николай ничего не рассказал?

– У Коли свои мысли, у тебя – свои. Давай. Жги глаголом!

Полковник разлил в стаканы горячий чай. Максим, не
чувствуя вкуса, проглотил напиток и, как мог подробно, рас-
писал свои приключения в Зоне. Фирсов несколько раз оста-
навливал его, расспрашивая о деталях.

– Я же говорил, нет у меня никаких особых способно-
стей! – добавил Максим в конце.

Фирсов, казалось, не заметил его слов. Он что-то записы-
вал в блокнот старинной, наверное, еще советских времен,
перьевой ручкой.

– Бабочка, говоришь? – задумчиво произнес полковник. –
Если бы не свидетельства моего сына, я бы подумал, что ты
сошел с ума.

– А Петровский вас не интересуется? Почему он на меня
напал?

– Давай-ка поиграем в Шерлока Холмса, – Фирсов много-
значительно хмыкнул. – Ты все так подробно расписал, что
человеку, владеющему основами логики, нетрудно будет по-
нять, что произошло. Что ты нашел в кабинете Федотова?

– Ничего. Совсем ничего.

– Нет, кое-что там было. И ты все прекрасно видел. Только не потрудился подумать. Напряги извилины!

– Да не было там ничего! – повторил Максим. – Кроме ужасного разгрома.

– Вот именно. Кто-то обыскал все ящики и, разумеется, не потрудился привести помещение в порядок. Думаю, не нужно пояснять, что это сделал Петровский.

– Значит, он нашел что-то ценное и не хотел этим делиться с нами?

– Догадливый. А теперь уладим формальности, – Фирсов протянул лист бумаги и ручку. – Прочти!

Максим пробежал глазами документ и тяжело вздохнул: стандартная подписка о неразглашении. Он быстро поставил закорючку в надежде, что этим все обойдется.

– Давай сюда карту памяти из фотоаппарата! – скомандовал полковник.

У Максима оборвалось сердце:

– Как же так? – прошептал он. – А обещали любую награду.

– Ты ее уже получил.

– Какую же? Жизнь?

Полковник даже не улыбнулся – он так и продолжал сидеть с совершенно невозмутимым лицом.

– Нет, дорогой. Как там, у классика – смерть надо заслужить? Да и зачем делать из тебя мученика? Скажи спасибо,

что ты сейчас не в КПЗ, и тебя не обвиняют, скажем, в изнасиловании и убийстве малолетки. В тюрьме, конечно, можно жить, но только не с такой статьей.

Голос полковника был спокоен, но исходившая от него угроза давила страшнее любых окриков.

– Я ни в чем не виновен!

– Это ты пахану в камере будешь объяснять. После чего с погонялом Манька или Любка отправишься под шконку хлебать баланду дырявой ложкой и завидовать тем, кого вынесли вперед ногами. Так что давай флэшку.

Максим закрыл лицо руками. Лучше бы Петровский его убил! Зачем жить, если никому нельзя доверять в этом проклятом мире? Полковник обещал все, а вместо этого... тюрьма?

– Подавитесь! – карта памяти полетела на диван.

Фирсов сунул ее в бумажник.

– Вот то-то и оно. Всегда слушайся большого дядю. Я же не в претензии за то, что ты спрятал в Зоне автомат, – полковник положил на стол револьвер.

Максим снял пустую кобуру, не сводя глаз с оружия:

– Хорошая вещь...

Раздался стук в дверь и в комнату заглянул незнакомый полицейский:

– Долго еще? Ребята из патруля хотят перекусить!

– Минуту подождите!

Полковник несколько секунд беззвучно шевелил губами:

– Вот что, проводник! У тебя с головой все в порядке?

– Все мы немного не в себе, – горько усмехнулся Максим.

– Безусловно. На учете у психиатра не состоишь? Не пьешь, не наркоман?

– Да вы что?

– Тогда собирай справки. Оформлю тебе наградную лицензию. Будешь носить свой наган вполне официально – и мы в расчете! Не думай: мы способны не только кнутом пороть. У нас есть и пряники, и даже плюшки, – полковник положил на стол две купюры. – Это твоей жене за терпение.

– Я могу идти?

– Тебя отвезут. В ведомственную поликлинику. Там подлатают твое колено.

Максим посмотрел полковнику в глаза:

– Медосмотр. Вы просто хотите проверить, не повлияла ли Зона на мой организм.

Фирсов вздрогнул и отвернулся:

– А еще говоришь: никаких способностей, – пробурчал он. – Собирайся!

В комнату вошел сержант. Максим покорно прошел за ним на улицу, к серому «бобику». Полицейский открыл дверь, забрался на место водителя и повернул ключ зажигания. Максим сел на заднее сиденье. УАЗ стрельнул выхлопом, загудел и неторопливо покатыл по улицам.

Была поздняя ночь, когда Максим добрался до своей квартиры. Алина спала, натянув на голову одеяло. В комнате

горел свет. На столике стояла недопитая бутылка красного вина и, почему-то, четыре стакана.

– Хватит топтаться, слонопотам! – проворчала жена. – Ты меня разбудил!

Максим откинул одеяло. Алина прижалась к щеке мужа сухими губами. От нее пахло спиртным.

– Сколько заработал? – с хода спросила она.

Максим положил деньги на столик. Алина лениво приоткрыла один глаз:

– Всего-то? И стоило из-за этого пропадать три дня? Впрочем... Я завтра иду в салон, сгодятся.

– Эх, жена. Я там такое видел... но рассказать не могу. Подписал очень суровую бумагу. А ты здесь, я смотрю, времени даром не теряла? Вино, закуска.

– Посидели с подругами, выпили немного. Девичник у нас. Имею право. В конце концов, это я пашу на работе, как папа Карло!

Максим только поморщился:

– Я спать, еле на ногах стою.

– На работе надо уставать. Впрочем, я уже сколько раз говорила, чтобы ты устроился...

Не слушая бормотание Алины, Максим кое-как стащил с себя костюм «горка» и плюхнулся на кровать, надеясь больше никогда в Зону не возвращаться.

Но Зона своих просто так не отпускает.

Интерлюдия 1. Несчастный Ваня – легенда Зоны

Глава 8. Девочка-призрак

В заброшенной школе царил полумрак. Шаги гулко отдавались в дальних уголках коридоров. Максим, посветил фонариком в заваленную разбитыми пособиями учительскую и спустился на первый этаж, в комнату вахтеров. Здесь он давно устроил себе ночевку: поставил старую, обшарпанную, но вполне удобную кровать, а в тумбочку положил две бутылки воды и несколько банок консервов.

Максим закрыл на засов стальную дверь и зажег ночную лампу на батарейках. Достал сборник рассказов Моэма, рухнул на койку и с головой ушел в чтение. Текст завораживал. Максим с наслаждением проговаривал про себя слова, как бы пробуя их на язык. Перед глазами разворачивались далекие образы, много лет назад нарисованные знаменитым писателем. Наконец глаза начали слипаться. Максим сунул книгу в тумбочку и укрылся одеялом, обняв подушку.

Но уснуть он не успел. В дверь кто-то постучал. Робко и нерешительно.

Ночью в Зоне лучше никому не открывать. Никто не зна-

ет, кто скрывается в темноте: жадные ли до человеческой плоти монстры, материализованные ли кошмары вроде скелетов или призраки, готовые увести незваного гостя в мир теней. Но чутье говорило, что существо за дверью нуждается в помощи. Максим зажег лампу и без колебаний отворил засов.

В комнату впорхнула худенькая девочка в школьной форме. В свете лампы блеснули лакированные туфли. Короткие косички задорно торчали в стороны. Она присела на кровать и сказала:

– Привет! Меня же могут видеть лишь дети! Как у тебя получилось?

Матрас не прогнулся под весом человеческого тела. Значит, призрак? Так близко от периметра? Откуда?

Максим сел на стул напротив девочки и пожал плечами:

– Кто ты такая, Маша?

– Ой! Ты меня знаешь? – воскликнула девочка. – Вот странно!

– Иногда я и сам себе удивляюсь. Но, к сожалению, на этом моя интуиция объявила забастовку. Давай все же познакомимся. Меня зовут Максим.

– Максим? – Маша печально посмотрела ему в глаза. – А мне нравится. Помоги мне.

– Интересно, чем? Я же маленький и хилый.

– Не прибедряйся! Вон какой детина вымахал.

– Ну... говори.

Девочка-призрак по-детски наморщила лоб:

– Со мной в классе учился мальчик. Однажды он пришел в школу в синяках, с разбитым носом и рассеченной губой. Сначала мы подумали, будто он подрался. Но Ваня, так его звали, был слабым и тихим ребенком – он никому не мог дать сдачи. И когда Нелла Константиновна спросила его...

– Минуту! – перебил ее Максим. – Это учительница?

Маша кивнула:

– Да. Иван сказал, что его избили родители. Ему купили новый костюм, а он пошел играть с друзьями в чижа...

Скрипнула открытая дверь. В темном коридоре что-то звякнуло. Потянуло могильным холодом. Максим хотел встать, но девочка схватила его за руку:

– Пока я с тобой, тебе никто не посмеет причинить зла. Ты меня слушаешь?

– Очень внимательно. Постой. Так мальчика жестоко избили родители только за то, что он перепачкал костюм?

– Всем так доставалось. Я училась на отлично, и то бабушка меня била шлангом от стиральной машины.

У Максима закружилась голова. Он вновь, как в детстве, лежит на холодном полу, и жгучая боль от ударов собачьей плетью пронзает, кажется, все тело – от спины до пяток и макушки. «Я тебя предупреждала? Предупреждала! Значит, получи по заслугам! Все справедливо!» – врезается в уши крик матери. А потом он сухими, без слез, глазами смотрит в зеркало и считает на спине синие и черные полосы...

– Разве это нормально? – прошептал Максим.

– Из ребенка можно сделать человека только смертным боем. Так говорила моя бабушка. Только ты не перебивай меня больше, хорошо?

– Ладно. Давай дальше.

– Нелла Константиновна сказала Ване, чтобы он не навел поклеп на родителей. Она высмеяла его перед всеми и назвала стукачом. Ты знаешь, что в каждом классе есть заводила и хулиган?

– Конечно. Сам учился в школе. Я ведь ничем не отличаюсь от других, – попробовал улыбнуться Максим. Улыбка получилась безрадостной.

– В нашем классе таким заводилой был Олег. На перемене он поймал Ваню в подвале, повалил на пол и начал бить. Хотел проучить, чтобы тот не стучал на родителей. К Олегу присоединился весь класс. Каждый старался ударить несчастного Ваню. Сначала ногами, потом кто-то принес обломок швабры. Я до сих пор помню эту белую деревяшку с темными пятнами крови!

– А ты? – воскликнул Максим.

– Я испугалась. Стояла у входа в подвал. Так и не смогла позвать на помощь. Но я не била! Не била!

Девочка-призрак вскочила. Ее глаза сверкнули, она вцепилась Максиму в плечо. По комнате промчался морозный вихрь. По лицу словно пробежали ледяные пальцы. Возмущения Зоны?

– Может, не стоит продолжать? Тебе, наверное, тяжело.

– Осталось немного. Ваню отвезли в больницу. Ночью он умер. Но своих обидчиков он так и не оставил в покое. Первой погибла я – меня сбило поездом через месяц после его смерти. Мое изломанное, разбитое тело еще трепетало под насыпью, и вдруг я увидела Ваню. Он сказал, что моя гибель – это подарок за то, что я его не тронула. Оказывается, мне сильно повезло.

– Почему?

– Потому что сейчас Ваня приходит к внукам своих обидчиков!

Максим вспомнил, что по городу прокатилась волна детских самоубийств. Полиция сбилась с ног, тщетно пытаясь разобраться, почему дети прыгают из окон или вешаются. Не помогли даже всемогущие специалисты Федеральной Экспертной службы.

– Месть – это блюдо, которое подают холодным? Призрак мстит живым через поколения? Его надо остановить. Я сделаю все, что смогу!

Девочка положила Максиму руки на плечи:

– Нет. Ты сделаешь даже то, что не можешь. Запомни: когда ты найдешь могилу Вани, положи на нее две гвоздики. Тогда призрак обретет, наконец, покой. И я вместе с ним.

Маша чмокнула его в щеку и выбежала из комнаты. Дверь закрылась сама. В наступившей тишине щелкнул засов.

Максим лег на кровать и забылся в тяжелом кошмаре. Ему

снилось далекое детство.

Серебристая модель истребителя была почти готова. Маленький Максим капнул немного клея и прижал к крылу короткий усик антенны – теперь все. Осталось добавить потеки масла, немного подкрасить самолет и тогда можно будет повесить его над кроватью.

В комнату вошла мама – как всегда стройная и подтянутая, в ярком красном платье. Максим любил ее больше самого себя и боялся одновременно – что может быть ужаснее для ребенка? Ольга Даниловна потянула носом, поморщилась и недовольно спросила:

– Чем у тебя воняет? Да не мямли, идиота кусок! Отвечай, быстро!

Максим положил модель на стол:

– Вот! Сам склеил. Я молодец?

Глаза матери потемнели. Она посмотрела сначала на самолет, потом взглянула Максиму прямо в лицо и будто выплюнула:

– Деньги откуда?

– Монетки на улице собирал...

– Так... Я тебе что говорила? Все найденное ты обязан отдавать мне! Я тебя кормлю, мне лучше знать, что покупать, а что нет!

Ольга Даниловна схватила игрушку. Повертела модель в руках и со всей силы швырнула ее об пол. Пластмассовые де-

тали разлетелись в разные стороны. Сверкнуло прозрачное стекло кабины. Мама принялась давить ногами разбитый истребитель. Максиму показалось, что по комнате разносится хруст не пластмассы, а его собственных костей.

– Вот так-то! – процедила сквозь зубы Ольга Даниловна. – Я тебя предупреждала? Предупреждала! Ты не послушал. Значит, виноват сам. Марш в угол!

Максим остался неподвижным. Он так и сидел за столом, оглушенный, словно мама сейчас топтала его самого. Наконец все расплылось в мутной пелене слез.

– Ты снова реветь вздумал? – Ольга Даниловна отвесила Максиму подзатыльник, схватила его за воротник и поставила на колени. – Значит, ты девчонка? Люся, будешь до вечера стоять в углу! Никаких тебе гулянок! Ты наказан! Наказан! Наказан! И чтобы весь мусор с пола собрал!

Мать приложила Максима головой о стол. Он вскрикнул и проснулся в холодном поту...

Днем Зона – тихое и спокойное место. Здесь куда безопаснее, чем в суетливом и непредсказуемом городе. Уже наступило утро, и в щель между ржавыми железными листами, которыми было заколочено окно, пробивалась полоса солнечного света.

Максим нацепил рюкзак, вышел на улицу и зашагал по заброшенному поселку к узкоколейной станции.

В Зоне идти назад нельзя, зато в ней сколько угодно околь-

ных путей и троп. Максим перевел стрелку на боковой путь и поехал, налегая на тяжелую рукоятку, по заваленной мусором заброшенной фабрике. Лишь когда он выйдет за периметр и вернется, можно будет снова ехать той же дорогой: Зона как будто забудет о существовании гостя. Но и это недалеко от границы, а как оно там, в глубине? Этого никто не знал.

Узкоколейка пересекла ручей, разделилась на два пути и закончилась тупиком среди разрушенных зданий старого мясокомбината. Максим хлопнул себя по лбу: какой же он дурак! Не спросил фамилий ни Вани, ни девочки, погибшей под колесами поезда! Как теперь искать его могилу?

Увы, интуиция молчала. Максим перебрался через забор и пошел домой. На лавочке перед подъездом сосед-наркоман играл в нарды сам с собой. Щелкали фишки, кости катились по столу, но худое, порочное лицо опустившегося человека оставалось бесстрастным и неподвижным, как маска зомби-демона.

– Ты не знаешь историю с избитым до смерти мальчиком? – спросил Максим вместо приветствия. – Лет сорок-пятьдесят назад.

– Нет, – голос наркомана прозвучал глухо, как из бочки. – Я вообще не отсюда.

Наверное, стоило что-то ответить, но Максим вдруг почувствовал, что никто не ждет его слов. Он махнул рукой и, точно по лестнице на эшафот, медленно побрел на второй

этаж.

Алина прихорашивалась перед зеркалом. Услышав за спиной шаги мужа, она обернулась и одарила его презрительным взглядом:

– И где ты шлялся? Снова там? – она ткнула наманикюренной рукой в окно, за которым темнели разрушенные постройки. – Что ты за мужик? Весь из себя такой правильный, увлеченный... толку от тебя, как от козла! Тьфу! Хоть бы любовницу завел!

Максим пропустил тираду жены мимо сердца.

– А ты куда намыливаешься? – он покрутил пальцем в воздухе и провел им по глазам.

– На кудыкину гору! – окрысилась Алина. – Женщина всегда должна быть прекрасной!

Максим переоделся и пошел на троллейбусную остановку. Жена красила губы. На этот раз она не повернулась.

Глава 9. Капитан Шнырев

В здании УВД работал кондиционер. Прохладный ветерок обдувал измученное дневной жарой тело. Где-то едва слышно играла музыка. Максим словно полетел по коридору, прошел сквозь закрытую дверь с табличкой «Архив» и очутился рядом с радиоприемником. Его, стуча наманикюренными пальцами по клавиатуре компьютера, слушала девушка в круглых очках.

– Вам кого? – раздался резкий голос дежурного за стеклянным окошком.

– Здравствуйте, – Максим вернулся в реальность и встретился взглядом с полицейским. – Мне нужно в архив.

– Паспорт!

Максим протянул документы. Дежурный переписал их в журнал и поднял трубку телефона.

– Может, не стоит зря колоколотить? – Максим снова посмотрел полицейскому в глаза. – Меня и так ждут.

– Пожалуй, – трубка упала на рычаги.

Максим осторожно прокрался прямо в архив. Девушка оторвалась от экрана:

– Чем я могу помочь?

– Мне нужно найти одно дело... – Максим и сам не знал, какое. Он беспомощно оглядел бесконечные ряды стеллажей с объемистыми папками.

– Давайте ваш допуск.

– Э... гм... а можно я так посмотрю?

Девушка непонимающе уставилась на Максима:

– Впрочем... – она не договорила.

Распахнулась дверь и в архив влетел дежурный. Он заломил Максиму руку и выволок его в коридор:

– И как ты меня так развел, а? В архив посторонним нельзя! Посиди в обезьяннике, а там разберемся, что с тобой делать!

Дежурный втолкнул Максима в кабинет. За компьютером сидел тощий капитан с вытянутым лицом и красными, как у лабораторной крысы, глазами.

– Раздевайся! – скомандовал дежурный.

– Совсем?

– До трусов!

Максим выполнил приказ. Капитан вывернул карманы, вывалил вещи в коробку и вернул одежду и обувь.

– Где шнурки?

– А ремень тебе не оставить? Пошел, вперед!

Дежурный отвел Максима в каталажку. Лязгнула решетка. Щелкнул замок. В носшибанул запах пота и мочи. Немытый человек в изодранной куртке сочувственно посмотрел на задержанного. Зачем куртка в такую жару?

– Курево есть? – прохрипел бомж. Красный, облупленный на солнце нос зашевелился, словно его хозяин к чему-то принюхивался.

– Не курю.

– Интеллигент... Хреново. Самое главное в тюрьге – это курево. А ты, я смотрю, парень-то свой. За что взяли?

– В архив полицейский залез.

Бомж присвистнул, придвинулся к Максиму и зашептал:

– Эвон как. Я думал, украл чего. Что ты там забыл? Да не бойсь, здесь все свои. Одна голова хорошо, а две – сам понимаешь. Мы на пару с тобой что-нибудь сообразим. Давай, не ломайся ты, как девка. Говори, не молчи.

– Да я хочу с призраком разобраться! Он детей убивает. Его надо остановить! – выпалил Максим.

– Ты мне баки-то не заливай! Говори, как на духу!

– Да это правда! Я не вру!

– Ну, не хочешь – дело твое, – бомж обиженно отвернулся.

Максим лег на скамейку. Эх, рюкзак бы под голову! Ничего, и так сойдет.

В лицо ударил запах перегара.

– Слышь, парень! – бомж тронул Максима за плечо. – Ты не первый раз в кутузке, что ли? Спокойный, как полено. Натворил-то чего? Не молчи! Облегчи душу!

– Да говорю же, в архив залез. Надо узнать, где могила этого призрака. Вернее, его тела. Короче...

– Ну тебя. Сам выбирайся, как знаешь.

Щелкнул замок, и уже знакомый красноглазый капитан куда-то увел бомжа. Наверное, на допрос. Не в ресторан же!

Максим засмеялся сам себе, закрыл глаза и уснул прямо

на жесткой скамье. Он, что было сил, бежал по длинному коридору за темным силуэтом ребенка. Малыш юркнул в боковую дверь, лязгнула сталь, и незнакомый голос выкрикнул:

– Гражданин Безымянный! На выход!

Максим открыл глаза. Над ним нависла массивная фигура полицейского. Из-за его широкой спины выглядывал капитан-крыса.

– Давай, собирайся! Быстрее! – торопил он.

Полицейские отвели Максима на второй этаж и втолкнули в кабинет. За полированным столом, улыбаясь уголками тонких губ, развалился в кресле полковник ФСБ Александр Фирсов.

– И как же ты, Максим, все «наседке» выложил? Ты же у нас телепат! – сказал он вместо приветствия, приказал капитану остаться и указал на стул.

Максим осторожно присел на краешек и вздернул плечи:

– Да я же всегда говорил, что у меня нет...

– Не мели вздор! – хлопнул по столу Фирсов. Улыбка исчезла с его лица. – Ну! Говори!

– Ваш... гм... осведомитель ни разу не солгал. Что мне от него скрывать? – Максим не сдержал улыбку. – К тому же чистосердечное признание облегчает вину...

– Но удлиняет срок. Дальше.

Максим рассказал все, умолчав лишь о том, что ходит в Зону. Незачем полковнику знать о его самовольных вылазках. И, кажется, Фирсов поверил. Его лицо застыло бес-

страстной маской, толстые пальцы едва касались полировки стола, но глаза светились нетерпением и неподдельным интересом.

Едва Максим закончил, полковник достал из ящика стола бланк и ручку:

– Вот что. Дуй в архив. Ищи все, что нужно. Допуск я тебе выдам.

– Сначала пусть мне выдадут ремень и шнурки.

– Разумеется, – Фирсов заполнил бланк и протянул его Максиму. – Передай это в архив, пусть сделают запрос в транспортную полицию. Сначала найдем девочку.

– Почему?

– Не тупи! Сам же сказал: ее сбило поездом! Таких случаев полтысячи в год на всю страну! А с малолетками и того меньше.

Красноглазый капитан проводил Максима в архив.

– Если я понадоблюсь, товарищ Безымянный, я в вашем распоряжении.

– Вот это да! У меня есть собственный капитан полиции! Можете немного подождать?

– Конечно.

Максим протянул бланк запроса девушке в очках. Она что-то набрала на компьютере и тут же ответила:

– Готово. Всего в базе данных транспортной полиции города есть три погибших на железной дороге Марии.

Принтер зажужжал и выплюнул три листа бумаги.

– Так быстро! – изумился Максим. – Я бы даже не успел выпить кофе.

– Мы все-таки в двадцать первом веке, – девушка укоризненно покачала головой и протянула распечатки.

Первый лист Максим отложил сразу. Со второго, улыбаясь во весь рот, смотрела девочка с короткими, торчащими в стороны, косичками. Мария Никифорова. Девочка-призрак, мертвая одноклассница несчастного мальчика.

– Она! Она! – едва не заплясал Максим, глянул на полицейского и умолк, не в силах произнести ни слова.

Капитан уставился на фотографию. Красные глаза, казалось, ярко вспыхнули на побледневшем лице. По комнате пронеслась волна тревоги. Так беспокоятся только о собственных детях!

Через секунду полицейский овладел собой и глухо произнес:

– Эта девочка есть на школьных фотографиях отца. Эксперты-федералы выяснили, что самоубийства совершают внуки тех бабушек и дедушек, которые когда-то учились в одном классе. Но до причин докопаться так и не смогли. С тех пор я почти не сплю. У меня же двое детей. Сын и дочь.

– Почему ты мне сразу не сказал?

– Я не верю в призраков... не верил, пока не увидел досье. Да я и полковнику доложил только потому, что псих в архиве – случай из ряда вон выходящий. Он как твою фамилию услышал, здорово взъелся. Этого, говорит, быстро ко мне.

Дыма без огня...

– Погоди-ка, – прервал Максим собеседника. – Как зовут отца?

– Моего?

– А чьего еще? Своего я и так знаю.

– Олег. Олег Шнырев. Я же Михаил Олегович.

Максима словно ударило током. Он схватился за голову, застонал и спросил:

– Самый отчаянный хулиган в классе?

– Да. Кажется, я понимаю, почему спасовали федералы. Они же материалисты до мозга костей!

Максим распахнул дверь:

– Поехали!

– Куда?

– На кудыкину гору! К тебе домой. Фотки смотреть.

Шнырев жил в пятиэтажке рядом с военным городком. Полицейский УАЗ-«бобик», натужно подвывая двигателем, вполз во двор и остановился на стоянке. Водитель-сержант распахнул двери. Максим вслед за капитаном поднялся на четвертый этаж и вошел в квартиру.

– Не разувайся, – буркнул Шнырев. – На улице не грязно.

За письменным столом сидела стройная девочка-подросток. Она что-то шептала и сосредоточенно выводила в тетрадке ровные буквы. Чуть вытянутое юное лицо, подведенные глаза, темные брови. Волосы собраны в хвостик. Почти красавица. Неужели она следующая?

– Папочка, ты так рано? – удивленно спросила девочка.

– Юль, я ненадолго. У меня дела, – ответил Шнырев и бросил Максиму: – Идем на кухню. Моя дочь готовится к олимпиаде по русскому языку. Не будем ей мешать.

– Она победит, – едва слышно прошептал Максим. Шнырев его, похоже, не услышал.

Капитан вскипятил чай и налил две чашки. Максим, не чувствуя вкуса, залпом выпил обжигающий напиток. Тело прошиб пот, футболка мгновенно промокла. Несколько соленоватых капель скатились на стол и расплылись на скатерти.

– Я сахар не успел положить, а ты все выхлестал! – укоризненно покачал головой капитан.

– Пить хочется. Жара ведь. С утра во рту – ни капли. Фирсов как-то не догадался...

Несколько секунд Шнырев смотрел на Максима круглыми глазами. Наконец, он прокашлялся:

– Ты что, все это время терпел? Мог бы, пока в КПЗ сидел, попросить воды!

– Да кому я нужен...

– Отписывайся потом за труп! Нас бы шеф во все дырки...

– С этого и надо было начинать! – хохотнул Максим. – Вот она, цена вашей заботы! Фотки тащите!

Шнырев наполнил еще одну чашку и принес фотоальбом. Максим, прихлебывая чай, перевернул несколько картонных листов с прикрепленными к ним пожелтевшими снимками.

Наконец, он нашел то, что искал: фотографию пятого класса с подписями вокруг улыбающихся детских лиц.

– Это мой отец, – ткнул капитан в лицо веснушчатого мальчугана с темным провалом на месте передних зубов. – Подрался. Хорошо хоть, не коренные выбили.

– Странно, – сказал Максим. – Вроде Иван – самое распространенное имя. А в классе он всего один. Иван Архипов.

Глава 10. Призрак на кладбище

С фотографии печально смотрел самый обыкновенный мальчик. Прямые нечесанные волосы, ровная, едва заметная линия тонких губ. На лице застыла смесь напряжения и страха. Весь вид несчастного ребенка говорил, что жизнь причиняет ему невыносимые страдания.

– Жаль, у него не было пистолета, – вырвалось у Максима.

– Почему? – Шнырев даже подскочил.

– Тогда мне не пришлось бы расхлебывать это дело. Все закончилось бы еще в те далекие времена. Ладно. Осталась самая малость: найти могилу.

Капитан поднял трубку домашнего телефона. Несколько минут он разговаривал, потом нажал на рычаг:

– Плохо дело. После гибели сына Архиповы уехали. Их следы затерялись. Родственников, похоже, нет.

– Не знаю, что у меня получится, – сказал Максим невпопад. – Вы меня не подкинете?

– Без вопросов. Куда скажешь!

Максим выбежал из квартиры, перепрыгивая через ступеньки, слетел в подъезд и вскочил в «бобик», в клетку для задержанных.

Сержант-водитель от удивления даже раскрыл рот:

– Ты чего? – только и смог вымолвить он. – Давай к нам!

– Мне надо побыть одному, – пояснил Максим. – Поехали

на старое кладбище.

Из подъезда, поправляя кобуру с пистолетом, выбежал Шнырев. Капитан хлопнул дверью. Сержант повернул в замке ключ. Взвыл мотор, и старенький УАЗ покотился по душным, пыльным улицам. Сквозь решетку Максим увидел, как блеснул самолет – памятник у входа на военный аэродром. Летное училище.

Если бы не рост... не возраст... можно было бы пойти учиться на военного летчика. Но что потом? Всю жизнь слушаться отцов-командиров? Максиму хватило и сборов на военной кафедре. Но какая ирония судьбы: мечтать о небе, а получить подготовку командира «Осы» – зенитно-ракетного комплекса. Как говорится: сами не летаем и другим не даем. Зато твердая «пятерка» и похвала седого полковника: «Этого раздолбая хоть сейчас в бой!»

Возле кладбищенских ворот Максим заорал, пытаясь перекричать двигатель:

– Стойте! Стойте!

Водитель ударил по тормозам. Максим выскочил из клетки, спрыгнул на раскаленный асфальт и бросился к цветочной лавке. Пожилая женщина в длинном черном платье изумленно заморгала глазами:

– А мы думали, тебя...

– На расстрел везут? Не, пока пожалели. Можно две гвоздики?

Женщина назвала цену. Максим расплатился и сел на зад-

нее сиденье «бобика».

– Ты переплатил за цветы, – заметил Шнырев. – В магазине они втрое дешевле.

– Как писали классики: торг здесь неуместен.

На перекрестке главных аллей Максим попросил сержанта остановиться:

– Давайте сделаем так: вы осматриваете кладбище слева, а капитан – справа. Смотрите во все глаза, старайтесь не пропустить никого!

– А ты?

– А я пойду посередине, – Максим вздохнул и добавил: – Его унесло лунной тенью.

– Что? – воскликнули оба полицейских.

– Простите. Задумался.

Максим положил на плечо цветы и, как робот, мерно зашагал по аллее. Краем глаза он заметил, как рабочие, которые ставили новый памятник, почему-то попятились. Усатый здоровяк споткнулся и едва не наступил в только что залитый цемент. Да что не так-то?

Деревья вдруг изогнулись и превратились в шершавые, со светлыми прожилками, стены тоннеля. В конце него, огороженный недавно выкрашенной оградой, высился украшенный живыми цветами крест. И Максим точно знал, что написано на табличке.

Он даже не пробежал, скорее, пролетел расстояние до могилы и осторожно положил на ровно подстриженный холмик

две гвоздики. Алые цветы на темной траве казались огнями давно ушедшего поезда.

– Ну, привет! – раздался высокий голос. – Что, Машка наябедничала? Тоже мне, душа неприкаянная!

У могилы, положив руку на крест, стоял Иван Архипов – несчастный пацан с фотографии. Его лицо опухло от побоев, разбитый нос напоминал лепешку.

– Здравствуй, – ответил Максим. – Надеюсь, теперь ты оставишь детей в покое?

Призрак чуть приоткрыл правый глаз. Левый же совершенно заплыл и напоминал едва заметную щель.

– С чего бы это? – губы мальчика растянулись в ухмылке.

– Ну как же? Положи на могилу две гвоздики, тогда призрак обретет покой, – повторил Максим слова девочки.

– Ха! Я не такой кусочник! Нет, все куда сложнее.

– А я думал, призраки никогда не врут...

– Не врут, – подтвердил Иван. – Но могут... как бы это сказать...

– Добросовестно заблуждаться? – Максим вспомнил юридический термин.

– Угу. Это тебе Машка наплела? Знаю, Машка! Она всерьез думала от меня просто так отвязаться? После всего, что со мной сделали? Нет, дурашка! От справедливого возмездия никто не уйдет!

Максим развел руками:

– Ну и ладно. Тогда пока.

Призрак несколько раз кашлянул:

– Постой! Ты что, уходишь? Вот просто так? Ты случайно не желаешь спросить, что мне нужно?

Максим отвернулся:

– Я устал. Меня и без тебя все достало. Нет, так нет. С чего я буду навьючивать на себя чужие проблемы?

Призрак вновь появился перед глазами:

– Эгоист! Думаешь, мне хочется болтаться между небом и землей? Так не пойдет! Запомни: лишь когда ты найдешь ребенка, которому хуже, чем пришлось мне, я оставлю этот мир в покое!

– Да не буду я никого искать. Не хочу. Все равно у меня ничего не получится.

– Значит, я буду убивать. Знай: твоему приятелю Шныреву я приготовил особую кару! Но не сейчас. Его дети – последние в моем списке!

По ушам словно ударил звон разбитого стекла. Тоннель разлетелся на осколки. Максим изумленно уставился на могилу: лишь две гвоздики адели на заросшем бурьяном холмике. Крест и ограда бесследно исчезли. А может, их никогда и не было?

По аллее бежал Шнырев.

– Я правильно понял? Ты его нашел? – крикнул он. – Ну ты даешь! Сунуться на участок безымянных могил! Здесь такое творится...

– По-моему, здесь куда безопаснее, чем в городе, – спо-

койно возразил Максим.

Шнырев остановился и посмотрел на него, как на сумасшедшего:

– Ты так думаешь?

– Покойники еще никому не причинили вреда.

Капитан рубанул рукой воздух:

– Кроме этого твоего призрака! Ты с ним договорился?

– Нет. Но вы не переживайте. Пока жив хоть кто-то из детей его обидчиков, вашу семью он не тронет.

– И на том спасибо! Но весь город не может жить на вулкане! Что думаешь предпринять?

Максим выразительно пожал плечами и попросил:

– Подкиньте меня... до супермаркета.

Шнырев зло сплюнул себе под ноги. Сержант хлопнул дверью, завел мотор и рванул с места. Большая черная собака выскочила из-под колес и бросилась в кусты. Плохая примета...

До универсама доехали за десять минут. Максим спрыгнул на асфальт, поблагодарил сержанта за рулем и захлопнул дверь. Шнырев что-то сказал водителю и тот нажал на газ.

Полицейский УАЗ скрылся за поворотом. Максим взял с полки бутылку минералки и наполовину осушил ее тут же, в магазине. Девушка на кассе возмущенно крикнула:

– А кто платить будет? Я сейчас охрану вызову!

– Трубы горят, – серьезно бросил Максим и положил в корзинку хлеб, кетчуп, салфетки, пачку чая и спички.

Кассир прыснула:

– У всех сейчас так. Жара-то какая. Вам пакет нужен?

– У меня есть свой. Я же советский человек.

Максим расплатился, вышел из магазина и, как мальчишка, побежал домой. Дорога, вернее, протоптанная людьми тропинка, огибала двухэтажное здание белого кирпича – поликлинику. У дверей, не замечая никого вокруг, целовалась юная пара. Девушка, вскинув руки на широкие плечи кавалера, с явной охотой подставляла его губам лицо. И ладони парня постепенно поднимались от талии все выше...

В этой любовной идиллии Максим почувствовал фальшь. Он остановился и вдруг отчетливо увидел лежащую на полу, в луже крови, молодую женщину. Над ней склонился грязный, оборванный мужчина. В его руках темнел длинный нож.

– Стойте! Вам нельзя быть вместе! – хотел крикнуть Максим, но сумел лишь едва слышно прошептать эти слова. Он испугался одного-единственного вопроса: почему?

В самом деле, что он скажет этой счастливой сейчас паре? Ему, видите ли, дано заглянуть в будущее? Да его поднимут на смех! Максим тяжело вздохнул и медленно побрел домой.

Еще с порога он услышал мучительно-знакомый голос и схватился за голову: сегодня приезжает мама! Нельзя, трижды нельзя забывать такое. Теперь не миновать взбучки.

Медленно, словно за дверью ждала гильотина, Максим открыл дверь. Ольга Даниловна – как всегда, прямая и жесто-

кая, шагнула навстречу:

– Ты не рад видеть мамочку? Мог бы поцеловать для приличия!

Максим чмокнул ее в щеку. На губах остался вкус тоналного крема. «Поцелуй Иуды» – пришло на ум вроде бы неуместное сравнение. Нет, скорее, поцелуй блудного сына.

Обогнув мать, Максим проскользнул в свою комнату, открыл шкаф и остолбенел. Все его богатство бесследно исчезло. Вместо портативных радиостанций, биноклей и дозиметров, на полках, аккуратно сложенные, покоились одеяла и простыни. Пропала даже любимая игрушка – револьвер-пугач. Лишь оружейный сейф, пока еще пустой, одиноко стоял в углу. Видимо, вынести его у женщин не хватило сил.

– Где мои вещи? – Максим задохнулся от ужаса.

– На помойке! – презрительно выплюнула Ольга Даниловна. – Мы с Алечкой навели марафет и выкинули весь бесполезный хлам!

Максим вылетел из квартиры и помчался к мусорной площадке. Он успел вовремя: темно-синий мусоровоз только-только протянул металлические «руки»-манипуляторы к его богатству.

– Стойте! Стойте! – выкрикнул Максим, выхватил из контейнера два больших полиэтиленовых пакета и помчался к дому. «Псих» – он скорее почувствовал, чем услышал возглас водителя.

Ольга Даниловна набросилась на Максима, едва он под-

нялся в квартиру:

– Быстро, тварь, неси свой хлам обратно! – ее глаза вспыхнули, плеснув злобой прямо в душу. Лицо исказилось и расплылось. Максиму показалось, что волосы матери шевелятся, точно змеи медузы Горгоны.

Распахнулась дверь и из большой комнаты выбежала жена:

– Мне твое барахло здесь не нужно! Ты всю квартиру завалил!

– Все лежало в моей комнате... – попытался оправдаться Максим.

– Наплевать! – закричала Алина, одним словом ломая все оправдания. – Неси на свалку, живо!

– Выбрось это вон! – вторила Ольга Даниловна.

Они обе – мать и жена, пытались перекричать друг друга. И под их перекрестным «огнем» в растерянности стоял несчастный Максим. Он вообразил себя внутри блестящего, непрозрачного шара и родные голоса отскакивали от него, не причиняя ни малейшей боли.

Вдруг шар вспыхнул, развалился, и голова взорвалась десятком ослепительных вспышек. Ольга Даниловна занесла руку для нового подзатыльника. На кольцах сверкнули драгоценные камни. Максим подхватил пакеты и выскочил на лестничную площадку.

Навстречу, сжав кулаки, поднимался сосед-наркоман. На его руках, точно веревки, вздулись жилы, желваки на острых

скулах ходили ходуном. Нетрудно догадаться, что тот собирается сделать.

– Нет, – прохрипел Максим. – Стой. Не смей.

Сосед остановился.

– Как знаешь, – только и сказал он.

Максим добежал до периметра Зоны и перебрался через бетонный забор. Лучи заходящего солнца блеснули в окнах городских домов. Может, кто-то сейчас глядит в бинокль и видит одинокую человеческую фигуру между разрушенными цехами? Да все равно!

Максим вошел в диспетчерскую, сложил пакеты с дорогами сердцу вещами в металлический ящик – схрон и бросился на койку, прижав к груди револьвер. Пальцы сами собой начали крутить барабан. Резкие щелчки успокаивали, но тело все равно оставалось неподвижным, словно парализованное. Невозможно остаться нормальным человеком после такой встряски.

Но Максим думал не о себе. Словно объемная фотография, в его память врезался образ счастливой пары. И убитая женщина в луже крови... Как ей помочь? Ответа на этот простой вопрос не мог дать никто.

Понемногу вечер угас. За уцелевшим смотровым стеклом воцарился мрак. Максим закрыл глаза и вдруг почувствовал едва уловимое дуновение ветра. Он подскочил, нащупал фонарь и нажал на кнопку. Узкий белый луч скользнул по двум детским силуэтам – мальчика и девочки.

– Привет, – сказал Ваня. – Мы попроситься. Посвети на меня.

Максим выполнил просьбу и несколько секунд удивленно разглядывал чистое, без единого синяка, лицо призрака.

– Странно, – наконец вымолвил он. – Я же не выполнил твое условие.

– Не мое. Условие высших сил, – поправил Ваня. – И ты его выполнил. Тебе самому намного хуже, чем когда-то было мне.

– Да я ведь пока жив!

– Ужас без конца страшнее смерти. Я бы так не смог.

– Но я же не ребенок, – вздохнул Максим.

Маша улыбнулась одними губами. Ее глаза смотрели сурово и печально:

– Ты вырос, но так и не повзрослел. Бросился спасать любимые игрушки. Потом ушел из собственного дома и не осмелился идти поперек двух...

– Не надо, – перебил Максим девочку. – Прошу вас, не надо развешивать ярлыки.

– Ты думаешь, у нас глаз нет? – резко сказал Ваня. – Мы только на вид маленькие. С того дня, когда мы погибли, прошло немало лет. За такое время трудно остаться ребенком. Хочешь совет?

– Нет. Какой смысл?

Маша положила руки Максиму на плечи:

– Тогда до встречи! Скорой или нет – не знаю!

– До свидания! – Ваня помахал рукой.

В глазах защипало. Максим лишь на секунду отвел взгляд, но когда он снова посмотрел перед собой, призраки бесследно исчезли. Все произошло слишком просто и буднично.

Едва рассвело, Максим сунул револьвер-пугач в карман и вышел обратно в город. Утренний воздух не приносил прохлады. Напротив, от него, теплого и влажного, клонило в сон. Максим с трудом побрел по улице, то и дело протирая глаза. Выспаться ему не удалось: кто-то в цехе всю ночь гремел железками и убрался лишь с первыми лучами солнца. После незнакомца остались несколько белых костей у остова старого токарного станка. Ночью в Зоне опасно даже рядом с периметром. Если, конечно, не знать, где прятаться.

У девятиэтажки, несмотря на ранний час, собрались люди. На парковке виднелся полицейский «бобик». Максим узнал капитана Шнырева: тот что-то писал в блокнот и угрюмо глядел на пожилую женщину перед собой.

– Здравствуйте! – крикнул Максим. – Что случилось?

Шнырев сжал кулаки. Красные глаза вспыхнули смесью гнева и ненависти.

– Я думаю, это самоубийство! – крикнул он. – Глянь сюда!

У стены лежало изломанное тело – тот самый парень, что так счастливо целовал у поликлиники невесту. Максим похолодел:

– Не может быть!

– Дело рук твоих... гм... подопечных? – Шнырев как буд-

то не заметил реплики.

– Не знаю...

Капитан схватил Максима за футболку и встряхнул так, что затрещала ткань.

– Ты не знаешь?! Зато я знаю! Наш покойник тоже из проклятого класса!

В безоблачном небе словно сверкнула молния. Максима озарило.

– Нет! – вскричал он так, что гул людских голосов смолк, и десятки пар глаз уставились на него. – Нет же! Больше самоубийств не будет!

Капитан разжал хватку:

– Почему? И не ори так!

– Потому что призраки спасали ее.

– Кого ее? Да говори быстрее! Мне из тебя слова клещами вытаскивать?

– Его подругу, – Максим махнул рукой в сторону тела. – Больше ничего не скажу. Хоть расстреляйте! Дело закрыто!

Максим развернулся и зашагал домой. Дверь, прямо перед его носом, открыла жена:

– Ольга Даниловна уехала отдыхать в санаторий, – с порога сказала она и добавила: – Какая жалость. Мы с ней обсуждали твое поведение. Оно просто возмутительно! Ты мог бы остаться дома и помочь нам с генеральной уборкой!

Максим без единого возражения выслушал тираду. Он обогнул Алину, прошел в свою комнату, рухнул на тахту и

закрыл глаза. После старой койки в Зоне жесткий матрас показался мягчайшей периной. Надо будет перетащить в схрон старую армейскую кровать из соседнего цеха. Откуда она там взялась?

Жена все не унималась:

– Твоя мама едет на море! А мы когда?

– В сезон. Вода холодная, – Максим сказал то, что хотела слышать жена.

Зазвонил телефон. Алина спросила: «Кто?» – и крикнула:

– Тебя требует какой-то Фирсов! Я сейчас ему устрою прочихвост!

Максим подскочил и выхватил у жены трубку:

– Да?

– Мне Шнырев уже доложил. Призраки не будут больше шалить? – буднично и просто спросил полковник.

– Эти – нет!

– Ты уверен?

– Сто процентов. Дайте мне поспать. Хорошо?

– Минутку! Еще одно: с наградным оружием пока не получается. Документы зависли. Но я сделаю все, что смогу!

Фирсов повесил трубку. Максим прямо перед носом у жены закрыл дверь и снова лег на тахту. На этот раз Алина оставила его в покое.

Только вечером она едва ли не за шкурку потащила Максима в гипермаркет.

Поход второй. Разочарование

Глава 11. Новый заказчик

«Приходилось ли вам стрелять в собственный страх?»

Кассир сбросила упаковку с пельменями в лоток. Пока жена расплачивалась, Максим уложил продукты в пакеты. Кое-как оторвал их от пола и вынес из супермаркета на освещенную фонарями улицу. Ручки больно врезались в ладонь, Максим чертыхнулся и поставил тяжкую ношу на асфальт. Через несколько минут распахнулась автоматическая дверь и жена, гордо вскинув голову, выплыла из магазина. Таксисты, как по команде, уставились на эффектную красотку.

– Какое из двух «Т» выбираешь? – спросил Максим.

– Чего? Говори яснее, – не поняла жена. – Я не собираюсь разгадывать твои ребусы!

– Алька, не прикидывайся. Троллейбус или такси?

– Ты заработал на такси-то? А, ладно, поехали. Не то еще надорвешься.

Как обычно, Алина села рядом с водителем. Потрепанная иномарка нехотя стронулась с места. За окном, словно увенчанные огнями невиданные корабли, поплыли дома. Максим глядел на игру света и думал, что если вот сейчас в машину

врезается грузовик, его страдания закончатся. Вся мирская суета останется там, за гранью вечной тьмы. Но Максим знал: судьба никогда не преподнесет ему такой подарок.

Дорога шла в обход мясокомбината – странной и опасной Зоны, которую горожане боялись страшнее чумы или ядерного апокалипсиса. Верхушки полуразрушенных корпусов темнели на фоне подсвеченного фонарями неба. Может, уйти туда навсегда? Стать одним из призраков? За невеселыми раздумьями Максим не заметил, как машина остановилась возле дома.

– Приехали! – крикнула жена. – Выметайся!

– Сейчас... сейчас... – Максим достал продукты из багажника и потащил их на второй этаж.

Путь ему преградил сосед-наркоман.

– К тебе человек пришел, – как обычно, глухо сказал он. – У меня сидит.

Максим кое-как протиснулся между соседом и стеной, отпер дверь и внес в квартиру пакеты. Худой и высокий незнакомец, в тусклом свете единственной лампы похожий на скелет, вышел на лестничную площадку, пропустил наркомана, и нос к носу столкнулся с Алиной.

– Проваливай! – крикнула та. – Нам и одного алкаша хватает!

– Потише, пожалуйста, – вежливо сказал неизвестный. – Я так понимаю, вы – жена Максима Безымянного? У меня к нему дело. Денежное.

Алина переменялась в лице:

– Ах вот как? Тогда проходите в... зал. Может, чайку? Я быстро.

– Без сахара, пожалуйста, – незнакомец снял туфли, повесил куртку и сел за стол. Маленький саквояж он поставил на колени.

На кухне зашипел газ. Максим уложил продукты в холодильник и присоединился к гостю. Алина принесла две чашки чая и заняла место во главе стола, помешивая ложкой сахар.

– Простите, что лезу не в свое дело, – сказал незнакомец, сверкнув темными глазами. – Ваш муж не пьет чай?

– Я забыла ему сделать, – Алина пожала плечами. – Не барин.

Все же она встала и принесла еще одну чашку.

– Спасибо, – серьезно поблагодарил незнакомец. – Меня зовут Андрей Евдокимович...

– Бузыкин? – перебил его Максим.

– Он самый. Интересно, как у вас это получается?

Максим вздохнул и развел руками. Он вряд ли смог бы объяснить, как угадал фамилию собеседника.

Андрей Евдокимович достал из саквояжа пару конфет:

– Что ж, раз вы меня раскрыли, перейду к делу. Вы знаете, что такое сахарный диабет? Я болею им давно. Много лет.

– Это какая-то ерунда, – почесал нос Максим. – Диабетики – тучные пожилые люди, а вы – два метра сухостоя.

– Слышал звон, да не знаешь, где он, – вздохнул Андрей Евдокимович, пропустив плоскую шутку мимо ушей. – Запомни: толстяки болеют диабетом второго типа...

– Во как. Я уже ничего не понимаю, – перебил собеседника Максим.

Андрей Евдокимович достал из саквояжа маленький приборчик.

– Это устройство – глюкометр. Не буду вдаваться в подробности. Он помогает мне понять, сколько и когда вводить инсулина. Моя поджелудочная железа его не производит. Из-за этого повышается сахар в крови, и уколы – вопрос жизни и смерти. Таков диабет первого типа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.